НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ВЫПУСК XVI

М. ДЬЯКОНОВ

ПУТЕШЕСТВИЯ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

1932

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК ЗНАНИЯ»

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „ВЕСТНИК ЗНАНИЯ"

ВЫПУСК 16

М. А. ДЬЯКОНОВ

ПУТЕШЕСТВИЯ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1932

Отпр. в набор 26/XII — 31 г. Подписана к печати 14/II — 32 г. Бумага 74×105.
Объем 2⅝ печ. л. Типограф. знаков в 1 печ. листе 70.000. ЛОИЗ № 5.
Отв. редактор М. Ширвиндт. Техн. ред. А. Харшак
Ленгорлит № 34002. Заказ № 4432. Тир. 15.000 экз

Типография им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

D-180-6

Тема нашей книжки кажется с первого взгляда довольно простой и ясной. Ведь, так легко проследить по возможности все наиболее значительные путешествия в Среднюю Азию, совершаемые с незапамятных времен то купцами, стремившимися к знакомству с новыми рынками и старавшимися наиболее выгодно поместить там свои товары, то различными дипломатами, участниками посольств, посещавших в ту или иную эпоху отдельные средне-азиатские государства или приезжавших из них в Европу с тем или иным специальным поручением. Если прибавить сюда еще и все известные нам завоевательные походы, открывавшие иностранцам доступ в неведомые прежде страны, и, наконец, перечислить путешествия ученых и исследователей, то наша задача будет, казалось бы, выполненной.

Но при ближайшем рассмотрении задача эта оказывается гораздо более трудной и сложной, чем она могла бы показаться с первого взгляда. Начать с того, что тема наша должна ограничиваться пределами вопросов чисто географического порядка. Путешествия в Среднюю Азию, — говорим мы,—а не исследование Средней Азии и не история этого исследования. Поэтому читатель почти не встретит на страницах нашей книги каких-либо исторических данных, исторических справок, не

относящихся непосредственно к данному путешествию, каких-либо попыток дать объяснения с исторической точки зрения тем или иным явлениям жизни народов, населявших и населяющих Среднюю Азию.

Исторические экскурсы не входят в нашу задачу, и мы не предполагали вовсе заниматься ими. Такой подход к теме увел бы нас очень далеко, так как нам пришлось бы обратиться к временам, отстоящим от нашей эпохи на целые тысячелетия. Вспомним, что в Средней Азии еще до нашей эры существовали государства, достигшие высокого уровня развития, что в течение сотен лет восточная культура намного превышала культуру западно-европейскую, если оставить в стороне культуру государств греко-римского мира до его упадка. Что была целая эпоха, — и эпоха длительная, — когда свет науки распространялся на Европу с востока, когда разные отрасли научного знания — математика, астрономия, география — достигали в Азии высокого развития и служили для Европы недосягаемым образцом. Слова „алгебра", „азимут", названия различных созвездий, арабские цифры — остались нам на память об этом времени. Произведения художественной литературы и главным образом поэзия достигли высокой степени совершенства еще тогда, когда в Западной Европе царил мрак полнейшего невежества.

Таким образом, подходя к нашей теме под этим углом зрения, мы должны были бы обратиться от описания к исследованию, к анализу и углубиться в дебри таких вопросов, которые еще не вполне выяснены наукой или в решении которых у ученых исследователей нет единогласия. К вопросам этого порядка относятся ислам, его значение и влияние на мусульманскую культуру Средней Азии и на ее политическую и экономическую жизнь, и вопросы земельной политики, водного права и племенного и национального сходства или различия, очень спорные и спутанные и не подлежащие обсуждению в такой книге, как наша. Три восточных деспотических ханства—Хивинское, Бухарское и Коканд-

ское—второй половины XIX столетия в первой четверти XX века уступили свое место четырем национальным советским государственным образованиям, занимающим значительную часть территории Средней Азии, — Узбекской, Таджикской с Горным Бадахшаном, Туркменской союзным социалистическим советским республикам и Киргизской автономной социалистической советской республике. Из них первые три входят в СССР, а Киргизская республика—в состав РСФСР. Всего лишь 67 лет отделяют нашу эпоху социалистического строительства от взятия русскими войсками глинобитных стен Ташкента. И только пятьдесят лет прошло с тех пор, как вооруженные всеми достижениями военной техники русские отряды раздавили сопротивление полудиких защитников последней туркменской крепости Геок-Тепе.

Ясно, что наша бурная эпоха ставит совершенно особые задачи в среднеазиатских советских республиках и надлежащее их решение связано с величайшими трудностями. Мы не могли пройти мимо экономической подоплеки всех путешествий в Среднюю Азию, так как, подобно путешествиям во все другие неисследованные или малоисследованные страны, они прежде всего основывались на экономической базе — на стремлении овладеть новым рынком, на желании найти новый объект эксплоатации, но вместе с тем, по целому ряду причин, не считали возможным касаться в данной книжке вопросов очень сложных и запутанных, вопросов социальной и экономической политики.

Но не только одна эта трудность возникала перед нами. Даже неосложненная ничем тема „путешествий" в применении ее к Средней Азии становится очень сложной. В самом деле, о каких путешествиях мы должны говорить, какие путешествия описывать? С одной стороны, Средняя Азия и государства, в ней находившиеся, были известны и европейским народам и ее восточным соседям, китайцам, с незапамятных времен. Через Туркестан издавна происходил обмен произведениями стран Европы и Азии и совершались великие

переселения кочевников, направлявшихся с востока на запад, „тех полчищ кочевников, которые на много лет перевернули вверх дном политический и общественный строй Восточной Европы". Туркестан служил ареной деятельности величайших завоевателей от Кира, Ксеркса и Александра Македонского до Чингиз-хана, Тимура и последнего азиатского полководца Надир-шаха, овладевшего в 1740 году Бухарой и Хорезмом (Хивой). Великие сухопутные караванные пути, на которых производился товарообмен между Европой и Дальним Востоком, тоже существовали с самых отдаленных времен. Европейцы совершали дальние поездки на восток, а азиатские купцы и послы нередко бывали за Уралом. Казалось бы, при таких условиях история Средней Азии должна была бы быть давно известна нам, а, стало быть, часть описательная — географические о ней сведения — должна была бы стать уделом науки, если не за сотни, то уж, конечно, за многие десятки лет до нашего времени.

К сожалению, ничего подобного нет. Все дошедшие до нас сведения крайне отрывочны, сбивчивы и неточны, и лишь в конце XIX века географическое исследование и изучение Средней Азии дало крупнейший вклад в науку географического познания. Древнейшие обитатели Средней Азии не оставили после себя почти никаких памятников письменности; греческие и римские писатели сообщали обычно сведения, доходившие до них через десятые руки, сочинения арабских и китайских географов, содержавшие более точные и полные сведения, стали известны европейцам очень недавно. Кроме того сравнительно культурные государства Средней Азии нередко уничтожались дикими кочевниками, которые нимало не заботились о сохранении культурных достижений своих предшественников.

Путешествия в какие бы то ни было неведомые ранее страны обычно сопровождаются всякими приключениями, и в живом описании перенесенных бед и лишений, в занимательном рассказе о пережитых опасностях, о всех

потрясающих событиях, о неожиданных встречах и т. п. и заключается главнейшая прелесть и интерес, привлекающие к себе читателя. Понятно поэтому то волнение, с каким читают о приключениях знаменитых путешественников и мореплавателей на суше и на море, переживая вместе с ними опасные столкновения с туземцами, подъемы на высочайшие горы, переходы через вечные полярные льды и т. д. и т. д. В этом кроется неизменный интерес к путешествиям Колумба, Ливингстона, Свена Хедина, Нансена, Амундсена, Стэнли и пр. Этим объясняется, почему путешествия в Центральную Африку, на северный полюс, на реку Амазонку или в дебри Индии так влекут к себе все юные умы и волнуют и взрослого читателя.

Но никто никогда не совершал таких занимательных путешествий ни в степи, ни в пустыни, ни в оазисы Средней Азии. Повторяем, Среднюю Азию никто не открывал, как Америку или Сандвичевы острова. Средняя Азия существовала еще до того, как возникли Финикия, греческие демократии или Римская республика. Средняя Азия часто сама изучала Европу и „открывала" ее. В Среднюю Азию путешественник часто попадал, как в государство более высокой культуры, и испытывал удивление и восхищался с завистливым чувством, а не с чувством превосходства. И европейцы до XIII века не оставили нам ровно ничего о своих путешествиях на восток. По словам А. Гумбольдта, география Клавдия Птолемея, составленная до н. э., являлась до XVI века лучшим руководством для всех путешественников, отправлявшихся на восток.

Лишь после путешествий Плано Карпини, Рубруквиса и, в особенности, Марко Поло Европа начинает знакомиться со Средней Азией по солидным и достоверным сочинениям. Путешествуют прежде всего купцы, ведущие запись событий в сухом, чисто деловом тоне: где видел какие товары, какая на них цена, где и что можно выгоднее продать, где можно остановиться на отдых, на каком расстоянии лежит один город от другого. Не надо забывать,

что время тогда было суровое, нравы — жестокие, часто дикие, и потому чужестранца ничуть не поражали такие явления деспотизма, самоуправства, насилия, которые кажутся чем-то необыкновенным для Козлова, Хедина или Стэнли. Само собой разумеется, что путешественники об этом почти и не упоминают. Правда, они иногда высказывают свои соображения по поводу виденного или слышанного и передают свои впечатления, относящиеся к быту и нраву того или иного народа. Но чаще сообщают разные небылицы в устрашение конкурента или ради вящшего восхваления и превознесения собственной своей отваги и храбрости. И в результате мы читаем в описании такого путешественника: „А на севере у океан-моря живут люди с такими большими ушами, что они закрываются ими, яко лапой. А другие люди закрываются от солнца ногой". К сообщению о таких „дивиих людех" прилагаются и соответствующие рисунки („Книга о Христе, объемлющая весь мир" Козьмы Индикоплова).

Вторую категорию путешественников составляют разного рода политические агенты, послы, дипломаты и пр., которые едут в путешествия с определенной целью и свои описания посвящают, главным образом, отчету о выполнении возложенного на них поручения. В известной книге С. В. Жуковского „Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие" указывается, что торговый путь из Средней Азии в Россию был проложен уже в VIII веке, а с падением Казани и Астрахани начинается регулярный обмен послами между Россией и среднеазиатскими ханствами. Но „статейные" списки русских дипломатов почти не дают никакого описательного материала, хотя и содержат очень много ценных сведений, касающихся вопросов политического характера или данных о внутреннем состоянии ханств, их вооруженных силах и пр. Понятно, что и этот источник не всегда может быть использован для наших целей и не является тем благодарным материалом, который так бывает ценен для описаний географического характера.

Наконец, военные походы влекут за собой изучение и исследование неизвестных ранее стран, так как „всякое поступательное движение вооруженной силы дает более широкое поле научным экспедициям, проникающим часто значительно дальше военных постов". Но военные хроники, подобно описаниям купцов, страдают односторонностью и кроме того они, в силу своей специфичности, не всегда отличаются желательной степенью достоверности и тем более беспристрастностью. Завоеватель чаще всего повествует о своих военных подвигах и о проявленной им ловкости и умении при ведении переговоров с разбитым врагом добиться лучших, т. е. наиболее выгодных для страны-победительницы условий мира.

Планомерное ознакомление русских со Средней Азией начинается с эпохи ее завоевания, когда вопросы колониальной политики выступают на первый план. С появлением русских в среднеазиатских областях возможность для иностранцев совершать путешествия в Среднюю Азию сводится почти к нулю, и мы знаем лишь единичные случаи, когда иностранным путешественникам за последние 50—60 лет удавалось побывать в Туркестане. В особенности строго преграждается всякий доступ в среднеазиатские владения англичанам.

После русского завоевания Средняя Азия становится желанным полем деятельности для многих русских ученых, которыми сделан ценнейший вклад в науку географического исследования. Но с фактическим присоединением Средней Азии к России Туркестан уже перестает быть неведомой страной, манящей к себе смелого путешественника, несколько авантюрной складки, ищущего опасностей, бурных переживаний и необычайных приключений. Резко меняются все условия, на смену приходит иная обстановка, и самые ценные путешествия ученого исследователя уже не дают материала для живого, полного красок описания. Влияние экзотики слишком велико, и индийские джунгли или нравы туземцев на острове Борнео чаще привлекают к себе читателя, чем отчеты

об интереснейших и весьма важных для науки путешествиях Северцова или Федченко. К тому же хотя ученые и приступают к планомерному изучению Средней Азии, но обычно выбираемые ими темы отличаются некоторой сухостью и потому не могут увлечь рядового читателя. И если мы просмотрим обширнейшую библиографию Туркестана, то увидим в ней очень много узко-специальных трудов, в роде „Материалов для фауны жесткокрылых Закаспийской области" или „Древних местностей Аулиеатинского уезда", но не найдем почти ни одного сочинения описательного характера, полного ярких картин природы, повествующего о нравах, быте населения, его занятиях и промыслах.

Решив использовать по возможности весь материал, касающийся чисто географических исследований, мы вместе с тем были вынуждены сознательно допустить некоторую сухость и краткость изложения. Из всех известных нам описаний путешествий, совершенных в Среднюю Азию за последние 70 лет, книга А. Вамбери выгодно отличается от других красочностью и подробностью своего изложения, почему мы и сочли возможным остановиться на путешествии венгерского ученого более подробно. В остальном использованный нами материал по изложенным выше причинам несколько скуден и сух. Но повторяем — при ином подходе к теме мы были бы вынуждены углубиться в дебри вопросов, не имеющих прямого отношения к географии, а трактующих чисто исторические проблемы.

Нам пришлось поэтому выбирать между ограниченными пределами задачи, касающейся только описания путешествий, и более глубоким вопросом о постепенном исследовании и изучении Средней Азии во всем его объеме и со всей сложностью явлений политико-экономического характера. Мы решили ограничиться только чисто описательной стороной.

Переходя к нашему времени, мы столкнулись с такой трудностью: отсутствием книг о путешествиях по Средней Азии. „Кочевники" Н. Тихонова или „Таджикистан

седьмая Советская" Б. Пильняка являются произведениями художественной литературы, а не описательной. Наши ученые и исследователи ведут сейчас в Средней Азии колоссальную работу по изучению страны и ее неисчислимых богатств. Труды этих исследователей регулярно выходят в свет и служат делу социалистического строительства на основе скорейшей индустриализации и Туркестана в общей системе пятилетних планов, но работа советских путешественников слишком тяжела и кропотлива, чтобы она могла теперь же вылиться в форму единого большого описания Средней Азии, блестящего по изложению и исчерпывающего по содержанию, которым мы могли бы воспользоваться в данный момент для составления последней главы своей книги. Научно-исследовательская работа ведется систематически, в плановом, организованном порядке. Никаких „открытий" в географическом смысле слова, может быть, уже не производится в Средней Азии и для них нет места, разве только на Памире, но эта работа содействует перерождению всего края и быстро приобщает его к советской культуре. В этом отношении Туркестан действительно „открыт" и открыт впервые! Но об этих открытиях мы не можем упоминать здесь.

Все вышесказанное делает понятным, что наш труд не может быть свободен от многих недостатков, но все же им прокладывается путь для дальнейшей разработки той же темы. А тема эта во всем своем разнообразии так велика и трудна и осложнена такими серьезнейшими проблемами социально-экономического порядка, что ее никак не исчерпать в нашей маленькой книжке. Она заслуживает большего внимания и более серьезной, более глубокой обработки.

Советская Средняя Азия представляет собою огромную территорию, простирающуюся от Каспийского моря на западе до границ Китая на востоке и от степей Казакстана на севере до границ Персии и Афганистана на юге.

Разнообразие природы Средней Азии чрезвычайно велико. Там и безграничные пустыни и громадные

Реки и озера, оазисы с роскошной растительностью и высочайшие горы, покрытые вечными снегами. Природные богатства этой страны неисчислимы. Бесплодные пустыни превращаются в цветущие поля, если только им дать пить. Благодаря обилию солнечного света и теплому лету, там могут произрастать самые разнообразные растения. В недрах Средней Азии находятся огромнейшие запасы минеральных богатств: золота, угля, нефти.

История этой страны необычайно интересна. С незапамятных времен там существовала земледельческая культура. Первые дошедшие до нас сведения об этих местах относятся к V веку до н. э. Там уже были тогда города, развитая государственная жизнь. Населяли эту страну народы иранского происхождения: согдийцы, хорезмийцы и многие другие.

Из европейцев первым упоминает об этих странах великий греческий историк и путешественник Геродот, живший около двух с половиной тысяч лет назад. Сам он там никогда не был, у него были только отрывочные сведения, полученные из третьих рук; может быть, он видел представителей этих народов в войсках персидских царей, потому что он подробно описывает их одежду, их вооружение.

Греки попали в Среднюю Азию уже позднее, они явились туда, как завоеватели в войске Александра Македонского (IV век до н. э.). Достоверных сведений у греческих писателей об этой эпохе нет; мы не знаем ничего об образе жизни, о нравах народов, населявших в то время Среднюю Азию.

Мы знаем только, что около II века до н. э. начали завязываться торговые отношения Европы и Передней Азии со Средней Азией и даже с Китаем. Средняя Азия начинает играть важную роль в мировой торговле. Через нее проходят великие караванные пути. Но европейские купцы редко попадали в эти места. Торговлю держали в своих руках народы, жившие в Средней Азии. Они являлись посредниками. В пустынях возникали торговые

колонии. Согдийцы доходили далеко, к самым границам Китая. В горах Семиречья, в бесплодных пустынях Восточного Туркестана строили они свои города, являвшиеся промежуточными станциями на великом караванном пути.

В VI веке н. э. сношения европейцев с Востоком замирают на семьсот лет. В XII веке, когда они снова начинаются, географические представления европейцев об этих странах ничем не отличаются от сбивчивых, неясных, а порой и фантастических, сведений греческих писателей.

Средней Азией интересовались не только европейцы, но и народ, находившийся на другой стороне великого караванного пути, а именно — китайцы.

Китайцы во II веке до н. э. были обеспокоены усилением гуннов, кочевавших в степях, непосредственно прилегавших к Китаю, и теснивших на юго-запад своих соседей-кочевников. Китайцы хотели найти союзников среди этих кочевников, кроме того им хотелось обеспечить безопасное продвижение своих караванов. Из китайских источников II века до н. э. мы впервые узнаем о Фергане. Там было тогда уже около семидесяти городов. Культура этой области была исключительно земледельческая, жители сеяли пшеницу и рис, а также занимались культурой люцерны и виноградарством. Китайцы научились виноградарству, именно, у ферганцев. Известно также ферганское коневодство. Китайцы ценили чрезвычайно высоко эту породу лошадей и называли ее „небесной". Имелись у китайцев сведения и о других областях Средней Азии, хотя и менее подробные. Наиболее могущественным народом были в то время в Средней Азии парфяне, которые и являлись главными посредниками между китайцами и Римской империей и ни за что не желали допустить непосредственных сношений этих двух государств.

Долгое время Средняя Азия находилась под властью кочевников, которые постоянно сменяли друг друга. Земледельческое население сохранялось, но находилось в подчиненном положении. С VI века н. э. начинается

владычество турок в этих местах. Турки основали в Центральной Азии огромную монархию, и это имело большое влияние на судьбы Средней Азии. До наших дней население Средней Азии — в большинстве своем турки, от турок происходит и очень распространенное название—Туркестан, т. е. страна турок.

В VII веке на исторической арене появляются новые завоеватели — арабы, которые в изумительно короткий срок завоевывают огромные территории от границ Китая и Индии на востоке и до Испании на западе. В Средней Азии арабы встретили ожесточенное сопротивление, но все же остались победителями. Арабы не колонизировали завоеванных местностей, в них только оставлялись гарнизоны. Поэтому население в основном продолжало быть таким же, каким оно было и до арабов, но его быт, весь уклад его жизни существенно изменился. С арабами пришел ислам, новая религия, пронизавшая всю жизнь, быт, мировоззрение. Но это перерождение происходило медленно. Только к X веку области Средней Азии были окончательно вовлечены в орбиту мусульманского мира.

Языком мусульманской культуры был язык арабский, хотя писавшие на нем и принадлежали к самым разнообразным национальностям. Мусульманская наука сделала огромные успехи. В частности география была разработана очень хорошо. Страны, входившие в состав арабского халифата (между прочим и Средняя Азия), были исследованы весьма подробно. Составлялись маршруты, точные описания стран, населенных пунктов с указанием их географического положения. Появилось множество путешественников, оставивших нам подробные и точные описания.

Но сведения эти были неизвестны европейцам. До Европы доходили только самые отрывочные, смутные слухи о происходивших в Азии политических событиях. Только нашествие монголов снова пробудило интерес Европы к Центральной Азии, так как монголы, дошедшие в 1242 году до Адриатического моря, захватив

Россию, угрожали всей Европе. Завоевания монголов являются одной из наиболее волнующих страниц в истории человечества. Никому неизвестный народ, кочевавший в далеком углу Центральной Азии, вдруг поднимается, завоевывает все соседние народы, двигается все дальше и дальше, захватывает Среднюю Азию, вторгается в Персию, сокрушает арабский халифат, покоряет Русь,— и все это в течение нескольких десятилетий.

Вполне естественно, что европейцам хотелось познакомиться ближе с грозными „татарами", как их тогда называли, и в 1246 году папой Иннокентием IV посылается к монгольскому хану миссия во главе с францисканским монахом Иоганном де Плано-Карпини. Отправившись из Лиона, Карпини проехал через Германию, Богемию, Силезию, Польшу, Южную Русь, Хорезм и Семиречье и достиг ставки хана как раз во-время, чтобы присутствовать при возведении на престол Гуюка, сына Угедея. Отчет Карпини о путешествии представляет огромный интерес для науки географического исследования, равно как и для истории и этнографии. Для нас путешествие Карпини интересно еще и тем, что он проезжал через Россию непосредственно после вторичного похода на нее монголов, и, таким образом, его описания дают ценный материал для изучения истории нашей страны.

Вот, например, как Карпини описывает картину разрушений и погрома, произведенного монголами на Руси:

„Они пошли против Руссии и произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что".

От Киева Карпини и его спутники ехали через русские степи, от одной ставки монгольского вождя до другой,

пока наконец не прибыли к знаменитому Батыю. Прежде чем предстать перед Батыем, путешественникам пришлось пройти между двух костров. Когда они отказались было от выполнения этого обряда, им объяснили следующим образом необходимость подчиниться такому требованию: „Идите спокойно, так как мы заставляем всех пройти между двух огней ни по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или если случайно приносите яд, огонь унес все зло".

Допущенные к Батыю путешественники поднесли ему грамоту и просили дать переводчиков, которые перевели бы эту грамоту, а также изложили бы Батыю намерения послов. Переводчики были даны, „и мы вместе с ними,— говорит Карпини, — тщательно переложили грамоту на письмена русские и сарацинские и на письмена татар".

Здесь интересно заметить, что дипломатическими языками у монголов были русский и персидский (под сарацинским Карпини подразумевает, именно, персидский).

От Батыя Карпини был направлен к самому императору Гуюку. Так как Батый хотел, чтобы Карпини присутствовал при избрании императора, а время, назначенное для этого торжества, приближалось, то данные Батыем проводники торопили путешественников немилосердно. Путешественникам пришлось совершить огромный путь от ставки Батыя у Аральского моря до Сыра-Орды, в ста километрах южнее Кяхты. Весь этот путь длиною около 3000 километров они проделали верхом, потратив на дорогу три с половиной месяца—с 8 апреля по 22 июля, проезжая в среднем около 30 километров в день. Для проводников-монголов это было привычным делом, но для монаха Карпини путешествие показалось невыносимо тяжелым.

„По всей этой дороге, — пишет он, — мы продвигались с величайшей поспешностью, потому что нашим татарам было приказано отвезти нас на торжественное заседание, назначенное уже несколько лет тому назад для избрания императора, чтобы мы имели возможность при сем при-

сутствовать. Поэтому мы вставали рано утром и ехали до ночи без еды, и очень часто приезжали так поздно, что не ели и ночью, а то, что мы должны были есть вечером, нам давалось рано утром; мы ехали, как только могли скакать лошади, ибо лошадей отнюдь не щадили, так как очень часто днем мы имели свежих лошадей и, как сказано выше, те, которые валились, возвращались обратно. И таким образом мы ехали быстро, без всякого перерыва".

Карпини подробно описывает ставку Гуюка и церемонию возведения его на престол. Великому хану, по случаю вступления его на престол, было поднесено множество подарков. И. Карпини рассказывает о разукрашенных конях и верблюдах, шатрах из драгоценных материй, целых телегах золота и серебра.

Очень интересны описания нравов и быта монголов. Отметим, что целый ряд обычаев, поверий и примет, о которых упоминает Карпини, сохранился и до наших дней. Большая часть записок Карпини посвящена описанию военных качеств монголов и их способов ведения войны. Особенно подробно Карпини останавливается на особенностях монгольской тактики и дает указания, каким образом нужно вести бои против монголов. Он также много говорит и об их вооружении, об административном делении войска и т. п. Но о своей, казалось бы, непосредственной религиозной миссии путешественник на протяжении всей своей книги не говорит ни слова. Таким образом, ясно выступает истинное значение путешествия Карпини. Он фактически был папским шпионом, ехавшим разузнавать военные планы монголов и их военную мощь. Да он и сам довольно откровенно замечает в своем предисловии:

„Мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю божию, согласно поручению господина папы, и чтобы принести чем-нибудь помощь христианам, или, по крайней мере, узнав их истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы татары своим случайным

и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским".

Пробыв некоторое время в ставке Гуюка, Карпини благополучно вернулся в 1247 году в Европу.

Приблизительно к тому же времени относится и другое путешествие фламандского монаха Вильгельма Рубрука или Рюйсбрука, обычно называемого на латинский манер Рубруквисом. Рубруквис был отправлен в 1253 году с тою же целью, что и Карпини, но посылал его уже не папа, а французский король Людовик IX, протягивавший руки на Восток, возглавлявший седьмой крестовый поход.

Формальной причиной миссии Рубруквиса была поездка к Сартаху, сыну Батыя, который, по слухам, дошедшим до Людовика IX, принял христианство. Рубруквис должен был попытаться распространить христианство среди монголов. Но Людовику не хотелось, чтобы миссия была связана с его именем. В случае ее неудачи престиж французского короля значительно пострадал бы. Поэтому Рубруквис отправился в путешествие неофициально, не как посланник, а как частное лицо.

Рубруквис выехал из Константинополя, пересек Черное море, затем проехал через южнорусские степи и прибыл в ставку Сартаха, кочевавшего около Волги, приблизительно на территории бывшей Саратовской губернии. От Сартаха Рубруквис двинулся в ставку Батыя, которая теперь находилась уже не в том месте, где застал ее Карпини, а в другом, именно, на левом берегу Волги, приблизительно против современного нам Сталинграда. Батый направил Рубруквиса к великому хану. К этому времени Гуюк уже умер и на ханский престол взошел Мункэ, внук Чингиз-хана, сын Тулуя. Рубруквис проделал весь путь от Волги до ставки Мункэ во внутренней Монголии почти что по тому же самому маршруту, по которому за шесть лет до того ехал Карпини. Пробыв около двух месяцев в ставке Мункэ и побывав в городе Каракоруме, Рубруквис вернулся обратно, пройдя на этот раз севернее озера Балхаша, и прибыл к берегу Волги приблизительно в том же месте, откуда отправился год

назад. Отсюда он спустился до города Сарая в устье Волги, прошел через Дагестан, Азарбайджан, Армению, часть Малой Азии и вышел к Средиземному морю в городе Курте. Таким образом, Рубруквис совершил более продолжительное путешествие, чем Карпини, и во время него он сумел увидеть и услышать больше интересного, чем его предшественник. Сочинение Рубруквиса по объему приблизительно втрое больше доклада Карпини, и в нем видна большая серьезность, научная подготовленность и пытливость ума.

Мы не можем подробно останавливаться на содержании сочинения Рубруквиса, так как он главным образом описывает страны, выходящие за пределы нашей непосредственной темы, но все же постараемся ознакомить читателя с наиболее интересными местами книги фламандца. Кроме того, его сочинение вообще типично для этой эпохи и, ознакомившись с ним, мы можем составить понятие о переживаниях и приключениях и других путешественников того времени, отправлявшихся на Восток. Наконец, интересно для нас и описание монголов, так долго державших в своих руках значительную часть Передней Азии и Азию Среднюю.

Рубруквис, как человек здравомыслящий и умный, с насмешкой описывает попытки несторианских священников упрочить свою власть при дворе Мункэ. Нужно сказать, что некоторые из монгольских ханов были христианами, и потому к ним нередко являлись представители того или иного религиозного культа в надежде добиться обращения в христианство всей массы монгольских кочевников. И при дворе ханов разыгрывались сцены, заставляющие нас вспомнить легенду о религиозных диспутах Владимира в Киеве. Но в действительности ханы, как и их народы, оставались язычниками, и длительный или кратковременный переход их в христианство на самом деле был только одним из приемов восточной дипломатии и политики. Рубруквис так рассказывает о религиозных собраниях при дворе Мункэ:

„... он устраивает при дворе торжественное собрание,

и в такие дни прежде всего приходят в своем облачении христианские священники, молятся за него и благословляют его чашу. Когда уходят они, являются сарацинские священники и поступают так же. После них приходят жрецы идолов, поступая так же. И монах говорил мне, что хан верит одним только христианам, но хочет, чтобы все молились за него. Но он лгал... потому что хан не верит никому, хотя все следуют за его двором, как мухи за медом, и он всем дарит, все считают себя его любимцами и все предвещают ему благополучие".

Неплохая характеристика роли духовенства, да еще из уст средневекового монаха!

Рубруквис внимательно присматривался к жизни и быту монголов и умел подходить к ним без предубеждения, хотя их жизнь, их обычаи казались ему чрезвычайно странными. „Мне казалось, что я попал в другой мир", пишет он.

Чрезвычайно распространено мнение, что монголы несли с собой разрушение, что монголы задержали культурное развитие тех областей, где они властвовали. Однако, надо помнить, что такие сведения исходили всегда из заинтересованных источников, будь то русские или мусульманские. Факты говорят нам другое. Правда, монголы с жестокостью расправлялись со своими врагами, особенно с населением городов, оказавших им сопротивление, но оседлое земледельческое население получало очень много выгод от монгольского владычества. Монголы всячески поощряли сельское хозяйство и ремесла, получая со всего этого хорошие доходы в виде налогов. Они очень хорошо понимали, что с голого крестьянина, что с разоренного ремесленника ничего не возьмешь. Кроме того, монголы, как кочевники, не могли обходиться без целого ряда продуктов земледельческой и городской культуры.

Особенно благотворное влияние оказали монгольские завоевания на развитие мировой торговли. Подумать только: ведь, там, где раньше было несколько десятков самостоятельных мелких государств и где каждый властитель старался содрать с проезжающего иноземца пош-

лину, — теперь простиралось одно огромное государство через пределы которого купцы могли проезжать в сравнительной безопасности, чего им никогда не в состоянии были обеспечить мелкие князьки, вечно враждовавшие между собой. И многие предприимчивые люди воспользовались представившейся им возможностью для развития своих торговых оборотов.

К числу таких предприимчивых купцов и принадлежит знаменитая венецианская семья Поло. Братья Николо и Маффео Поло в 1260 году отправились из Константинополя в Крым и оттуда попали в Среднюю Азию, прожили три года в Бухаре, затем направились в Монголию и Китай, где были приняты в Пекине монгольским ханом Хубилаем. Хан отправил потом братьев к папе с грамотой и поручением привезти сотню христианских священников. Братья Поло вернулись в Европу, безуспешно ждали там избрания нового папы, так как папа Климент IV только что умер, и выехали затем обратно в Китай в 1271 году, при чем Николо захватил с собой и своего сына, семнадцатилетнего Марко. Все трое Поло остались на службе у хана и пробыли там семнадцать лет. Особенным доверием хана пользовался Марко, бывший приближенным советником хана и даже в течение трех лет губернаторствовавший в одной из южных провинций Китая. Вернувшись в 1289 году домой в Венецию, Марко Поло принял участие в политической борьбе, но неудачно, и был заключен в тюрьму. Там он продиктовал своему сотоварищу по темнице историю своих странствий. Она отличается большой правдивостью и точностью, чего нельзя сказать о большинстве книг, повествующих о путешествиях того времени. В описаниях Поло есть много любопытных указаний на то, как развивалась торговля европейцев с Китаем за время владычества монголов. Отец и дядя Марко Поло были первыми европейцами (или, как он говорит, „латинянами"), которых видел Хубилай и его двор, а к концу пребывания Марко Поло в Пекине уже было три гостиницы для европейских купцов (немецкая, французская и итальянская).

Какое же представление о монголах и их жизни мы можем составить себе по описаниям упомянутых выше трех путешественников? Монголы жили тогда приблизительно также, как жили до установления советской власти кочевники у нас в Средней Азии. Они кочевали, переходя с юга на север, когда солнце выжигало степи и скоту нечего было есть, и двигались обратно с наступлением зимы. Жили они в юртах, каркас которых делался из прутьев, а сверху покрывался войлоком. Юрты монголы перевозили с собой на повозках. Пищей монголам служило главным образом мясо и в первую очередь баранина. „Хлеба у них нет, равно как и зелени и овощей и ничего другого кроме мяса, да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это", пишет Карпини. Любимым напитком у монголов был кумыс. Кумыс очень понравился Рубруквису; он подробно останавливается на способах его приготовления и с некоторой долей юмора рассказывает, как он его попробовал впервые:

„В тот вечер служитель, который провожал нас, дал нам выпить кумысу; при первом глотке я весь облился потом вследствие страха и новизны, потому что никогда не пил его. Однако он показался мне очень вкусным, как это и есть на самом деле".

Всех путешественников поражал внешний вид монголов. Вот как описывает Рубруквис жену одного знатного монгола:

„А рядом с ним сидела его жена, о которой я вправду полагал, что она отрезала себе между глаз нос, чтобы быть более курносой". Карпини также останавливается на описании внешности монголов очень подробно, но в более спокойном тоне. Все путешественники обратили особое внимание на многоженство, как на явление, необычное для их жизненного уклада. Особенно поражает их тот факт, что, „хотя их (жен) так много, они не легко ссорятся между собою" (Карпини). Все они пишут также и о том, что почти всю работу у монголов выполняют женщины.

„Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года отроду, сряду же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы" (Карпини). Приблизительно то же самое пишет и Поло:

„Женщины заботятся о покупке и продаже и вообще обо всем, что необходимо для хозяйства и мужа, потому что мужчины вообще ведут барский образ жизни и ходят на охоту да присматривают за своими соколами и ястребами или же занимаются военными упражнениями".

После Поло в XIII и в XIV вв. немало европейцев проникало в Азию, частью это были купцы, частью же христианские монахи-проповедники. Но о них и их путешествиях мы здесь упоминать не будем, потому что мало кто из них бывал в Средней Азии, да кроме того существенно нового они ничего не сообщали.

В XIV в. единая монгольская монархия перестала существовать; снова появились мелкие государства, монгольские роды стали враждовать между собою. И тут, среди этих смут, появляется новое лицо — человек, имя которого известно всему миру. Это — Тимур, Великий Хромец — Тамерлан.

Тамерлан сумел, опираясь с одной стороны на кочевников монголов, поддерживая их старые традиции, а с другой — на представителей торгового капитала в городах, создать огромное государство с сильным централизованным аппаратом управления. По приказу Тимура создавались оросительные системы, украшались города. Еще и поныне мы можем видеть в столице Тимура — Самарканде — величественные развалины построек его времени.

И вот как-раз ко двору Тимура попал испанец Руи Гонсалес Клавихо. Он был послом кастильского короля Генриха III.

В то время европейцы были чрезвычайно обеспокоены усилением турок. Правда, Константинополь еще не принадлежал туркам, но они уже прочно обосновались в Малой Азии и стремились постоянно на запад. Европейцы в связи с этим очень интересовались тем, что делалось, так сказать, в тылу у турок, на восточных окраинах их владений. Неоднократно предпринимались попытки объединиться с персидскими властителями против турок. И вот неожиданным невольным союзником европейцев оказался Тимур, выступивший в самом начале XIV века против турок и нанесший им решительное поражение в битве при Ангоре (1402 г.). Этим всем и объясняется повышенный интерес европейцев к Тимуру.

Битву при Ангоре наблюдали в качестве зрителей послы разных европейских государств, в том числе и Кастилии, находившиеся с войсками турецкого султана Баязида. Когда Баязид был разбит и взят в плен, послы попали к Тимуру, который обошелся с ними чрезвычайно любезно, отпустил их во-свояси и послал с ними своих послов. Посольство Клавихо было ответным посольством к Тимуру. С Клавихо возвращался домой и посланник монгольского владыки.

Клавихо вел подробный дневник своего путешествия. В обработанном виде этот дневник дошел до нас под названием „Жизнь и деяния великого Тамерлана". В этой книге Клавихо подробно, день за днем, описывает свое путешествие с момента выезда из Испании. Путешественники потратили на дорогу от берегов Испании до Самарканда больше года.

Из Испании они проплыли на маленьком парусном судне-карраке до Константинополя. Туда они прибыли в середине ноября, когда на Черном море уже начинаются бури. Никто не хотел везти их дальше. С трудом нашли они себе маленькую галеру и вышли на ней в Черное море. Но вскоре поднялась сильная буря, судно разбилось о скалы, и путешественники едва спаслись. Им пришлось вернуться в Константинополь и там дожидаться весны.

Весною следующего года они добрались на галере до Трапезунда и, выйдя оттуда 28 апреля 1404 года, двинулись дальше уже сухим путем через турецкие владения, а затем пошли через Армению, Северную Персию и Хорасан, пока не прибыли 26 августа 1404 года к берегу Аму-Дарьи, невдалеке от Термезской переправы, проделав в четыре месяца путь около 2400 километров. На всей территории тимуровских владений они пользовались почтовым сообщением, установленным Тимуром во всем его обширном государстве. Вот как описывает Клавихо эту систему почтовых станций:

„Каждый день им давали свежих царских лошадей, чтобы они могли ехать скорее, так как по приказанию царя были приготовлены лошади через каждый день пути, в одном месте сто, в другом двести, и так были устроены дороги до самого Самарканда. Те, кого царь посылал куда-нибудь, или кто ехал к нему, должны были ехать на этих лошадях как можно скорее, день и ночь. Эти лошади были заготовлены в местах и в странах пустых так же, как и населенных, а в местах, где не было населения, царь приказал построить большие дома вроде гостиниц и назначил, чтобы жители ближайших городов и местностей доставляли туда лошадей и провизию".

Дальше Клавихо пишет, что по всем дорогам были расставлены верстовые столбы. Путешественникам выпал на долю чрезвычайно тяжелый путь: они ехали в самое жаркое время года и к тому же по очень нездоровой местности. В результате посольство добралось до Аму-Дарьи в сильно поредевшем составе: уже в Северной Персии около Тегерана умерло двое слуг, а в Нишапуре (город в Хорасане) умер и один из послов — Саласар.

Переправившись через Аму-Дарью, путешественники через Кеш (современный Шахрисябз) достигли Самарканда, где были с полной торжественностью приняты Тимуром. Там они провели три месяца, после чего вернулись к себе на родину почти тем же путем. По дороге они узнали о смерти Тимура и о смутах, начавшихся после этого. Отголосок этих смут докатился и до северо-

западного угла Персии, где в это время находились путешественники; им пришлось задержаться в Тавризе на целых полгода.

Клавихо сообщает нам целый ряд очень ценных сведений о тимуровской Средней Азии. Им было подмечено много такого, что позволяет нам воссоздать яркую картину тимуровского правления и того состояния, в котором находилось все это обширное государство. Так, например, описывая переправу через Аму-Дарью, Клавихо упоминает о том, что на переправах была установлена стража, которая беспрепятственно пропускала всех на правый берег Аму в сторону Самарканда, но никому не позволяла переправляться обратно без особого разрешения. И тут же он дает такое очень интересное объяснение этой односторонней пограничной охране:

„Стража эта поставлена у реки вот для чего: царь перевез в Самаркандскую землю много пленных из всех завоеванных ими стран для того, чтобы населить ее, потому что он много делает для того, чтобы ее населить и возвеличить. И стража должна стеречь, чтобы они не убегали и не ворочались в свои земли. И даже в то время, как ехали посланники, они встречали в Персидской и в Хорасанской земле людей, которые, по поручению царя, если находили где-нибудь сирот и безродных людей или бедных мужчин и женщин, у которых не было ни дома ни имущества, сейчас силою брали их и отвозили в Самарканд, чтобы они поселились там: кто вел корову, кто барана или двух овец, или коз; а управления тех мест, куда они приходили, кормили их по приказанию царя; и таким образом, говорят, царь привел в Самарканд добрых сто тысяч человек, если не больше".

Таким образом, как мы видим, Тимур проводил планомерную колонизацию Средней Азии. И проводил ее не столько за счет „сирот и безродных людей", сколько путем перемещения в свою столицу и смежные с нею области ремесленников из городов, особенно славившихся какой-нибудь отраслью промышленности. Об этом пишет и Клавихо:

„Царь так хотел возвеличить этот город, и какие страны он ни завоевывал и ни покорял, отовсюду приводил людей, чтобы они населяли город и окрестную землю. Особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам. Из Дамаска привез он разных мастеров, каких только мог найти; таких, которые ткут разные шелковые ткани, таких, что делают луки для стрельбы и разное вооружение, таких, что обрабатывают стекло и глину, которые у них самые лучшие на всем свете. Из Турции привез он стрелков и других ремесленников, каких мог найти: каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось и столько их привез, что каких угодно мастеров и ремесленников можно найти в этом городе. Кроме того, он привез инженеров и бомбардиров и тех, которые делают веревки для машин; они посеяли коноплю и лен, которых до тех пор не было в этой земле. Столько всякого народу со всех земель собрал он в этот город, как мужчин, так и женщин, что всего, говорят, было больше полутораста тысяч человек".

Вообще говоря, Самарканд произвел большое впечатление на Клавихо. Вот как он описывает его:

„Город Самарканд лежит на равнине и окружен земляным валом и глубокими рвами; он немного больше города Севильи, т. е. то, что внутри вала, а вне города построено много домов, присоединяющихся к нему как предместья с разных сторон. Весь город окружен садами и виноградниками... промежду этими садами есть улицы и площади, очень населенные, где живет много народу, продается хлеб, мясо и многое другое, так что то, что выстроено вне вала, гораздо больше того, что внутри... Столько этих садов и виноградников, что когда приезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев, и посреди него самый город. По городу и по садам идет много водопроводов".

Таким образом, перед нами картина огромного города, города благоустроенного, где знатный испанец Клавихо не чувствует своего превосходства над варварами-азиа-

тами, а, наоборот, восхищается богатством народов Востока и совершенством их техники. Вообще интересно отметить, что в те времена культурное превосходство Европы еще не установилось. Первым, кто отметил в своих произведениях совершившийся в пользу Европы перелом, был итальянский путешественник Барбаро, посетивший Переднюю Азию уже в конце XV века.

В заключение приведем еще отрывок из дневника Клавихо, прекрасно характеризующий быт и жизнь тимуровского города. Дело идет о прокладке большой торговой улицы в Самарканде.

„В городе Самарканде продается каждый год много различных товаров, которые привозятся туда из Китая, из Индии, из Татарии, из разных других мест и из самого Самаркандского царства, которое очень богато; и так как в нем не было большого места, где можно было бы продавать все в порядке, царь приказал провести через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица должна была начинаться в одном конце города и, проходя через весь город, доходить до другого конца"... Дальше Клавихо описывает, как рьяно принялись за дело чиновники, которым было приказано провести эту улицу, как были разрушены дома, мешавшие планировке. Работа производилась очень быстро.

„Как только одни работники кончали ломать, сейчас являлись другие и продолжали работу. Улицу провели очень широкую и по обеим сторонам поставили палатки; перед каждой палаткой были высокие скамейки, покрытые белыми камнями. Все палатки были двойные, а сверху вся улица была покрыта сводом с окошками, в которые проходил свет".

Здесь Клавихо дает картину восточного базара, каким он сохранился почти до наших дней. Только с революцией в Средней Азии исчезли эти крытые улицы, где в тесноте и полумраке проходили верблюды, лошади, ослы, гудела пестрая толпа, а в маленьких лавчонках шел торг.

В-87

Клавихо сообщает, что эта перепланировка производилась за счет государства. Таким образом, ясно, что Тимур в данном случае поддерживал торговый капитал и ремесла. По массовости торговли, по тому, что объектом торговли были предметы широкого потребления, а не только предметы роскоши, по развитой ремесленной промышленности, работавшей на рынок, а не только на феодала-заказчика, мы смело можем сказать, что имеем дело с далеко зашедшим разложением феодального строя, с внедрением товарного хозяйства.

В конце XV века начинается период великих открытий и морских путешествий. Португалец Васко-да-Гама в 1498 году достиг берегов Индии морским путем. Очень скоро этот путь стал основным путем на восток; сухопутная торговля, караванные пути начали терять свое значение.

Европейцы, с тех пор как стало утверждаться представление о шаровидности земли, стремились найти и другой путь в Восточную Азию, а, именно, путь на запад. Этой то идеей и воодушевился Колумб, когда он в 1492 году отправился в свое плавание. Он искал путь к островам Чипанго (т. е. Японии), о которых упоминает Марко Поло, и, открыв остров Гаити, принял его за Чипанго, а лежащее дальше на запад побережье Кубы — за берег Китая. Колумб был настолько уверен в этом, что, отправляясь в свое второе плавание, взял с собой арабского переводчика.

Мировые торговые пути переместились, торговля с Передней Азией еще продолжалась, хотя ее размеры значительно сократились. В течение XV, XVI веков мы еще встречаем в Передней Азии европейских путешественников — торговцев, дипломатов, авантюристов, миссионеров, а позднее и ученых, но далеко вглубь страны они не проникают. Среднюю же Азию европейцы перестают посещать.

В XVI веке в Средней Азии был лишь один европеец — англичанин Дженкисон, агент английского торгового капитала, только еще начинавшего тогда свое

победное шествие и ощупью искавшего для себя рынков сбыта.

Но с XVI века Европа стала усердно интересоваться Средней Азией. Россия, крепнувшая экономически и политически, обратила свои взгляды на Восток, встречая сильную преграду для своей экономической экспансии на Западе. С этого то времени, собственно говоря, и начинаются стремления России, стоявшей в стороне от морских путей и имевшей сильных соседей с запада, подвигаться на восток.

В дальнейшем мы попробуем дать представление о сношениях России со Средней Азией, о постепенном продвижении русского капитализма в степи за Оренбургом, к Аральскому морю, к мусульманским государствам, лежащим между двух великих рек.

Когда начались сношения России и русских со Средней Азией, сказать трудно. Еще в те времена, когда начали складываться первые русские княжества, они торговали, воевали, вступали в переговоры и союзы с разными ближними и дальними соседями своими с востока.

Еще до начала русской истории проходили по нашей обширной равнине два великих торговых пути: один всем известный „путь из варяг в греки", другой — еще более древний, Балтийско-Каспийский по Волге до ее устья, где в древности на месте нынешней Астрахани лежала столица Хазарского царства — Итиль, по Каспийскому морю, связывая нарождавшуюся культуру Запада с древним восточным миром. Клады арабских монет, находимые в большом количестве на протяжении всего этого пути, красноречиво рассказывают нам о величине происходивших здесь торговых оборотов, о значении и важности этой магистрали.

Через гигантские ворота между Уралом и Каспием с незапамятных времен текли на российскую низменность бесчисленные разноплеменные потоки азиатских народов. Сталкивались, смешивались, боролись с осевшими на ней племенами, приносили свои языки, обычаи, культуру,

разрушали старую, создавали новую, погибали, растворяясь в завоеванных племенах, но все оставляли свой след, все создавали ту неразрывную связь, которая спаяла низменность Волги и Днепра с пустынями закаспийских краев и странами между Аму и Сыр-Дарьей.

Самые древние летописи и былины повествуют о набегах печенегов, хазар, половцев на Приднепровье, за которые русские не оставались в долгу и нередко обрушивались с опустошительными погромами на владения своих восточных соседей, сжигали их города, грабили, уводили пленных. До нас дошли довольно подробные описания, сделанные арабом Ибн Фадланом, русских набегов на царства Хазарское и Булгарское, совершенных в X веке.

Страшное „нашествие Батыя", обрушившееся в 1238 г. на Россию и включившее ее в состав Великой монгольской империи, положило начало новой эре в истории русского государства, а также его отношений к Востоку. Политическая зависимость от монголов заставляла русских феодалов поддерживать все время тесную связь с дворами ханов. Велись несомненно также и торговые сношения с монголами. Ряд европейских и мусульманских путешественников упоминает русских пленных, служивших при монгольских ханах и нередко пользовавшихся значительным влиянием.

Так, например, упоминавшийся уже Плано Карпини говорит:

„Чтобы не возникло у кого-либо сомнения, что мы были в земле татар, мы записываем имена тех, кто нас там нашел: король Даниил Русский, со всеми воинами и людьми, именно, с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ставок Картана, женатого на сестре Батыя; у Коренцы мы нашли киевского сотника Мангрота и его товарищей, которые провожали нас некоторую часть дороги, а к Батыю они прибыли раньше нас. У Батыя мы нашли сына князя Ярослава, который имел при себе одного воина из Руссии, по имени Сангора, он родом коман, но теперь христианин, как и другой русский,

бывший нашим толмачом у Батыя, из земли Суздальской.

„У императора (Гуюка) нашли мы князя Ярослава, там умершего, и его воина Темора, бывшего нашим толмачом у Гуюк-хана, т. е. императора татар, как по переводу грамоты императора господину папе, так и по произнесению речей в ответ на них; там был также Дубарлай, клирик упомянутого князя, и служители его Яков, Михаил и другой Яков... И при выезде из Комании мы нашли князя Романа и его товарищей, который выезжал из Татарии... С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского".

И дальше: „И если бы господь не предуготовал нам некоего русского по имени Кузьму, бывшего золотых дел мастером у императора и им очень любимого, который оказал нам кое в чем поддержку, мы, как полагаю, умерли бы. Кузьма показал нам трон императора, который был сделан им (Кузьмой) раньше, чем тот вступил на престол, и печать его, изготовленную им, а также разъяснил нам надпись на этой печати. И много других тайн императора узнали мы через тех, кто прибыл с другими вождями, через многих русских и венгров, знавших по-латыни и по-французски, через русских клириков и других бывших с ними, при чем некоторые пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях татар и знали все их деяния, так как знали язык и потому что пребывали с ними некоторые двадцать лет, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые меньше; от них могли мы все разведать".

Казалось бы, что все эти русские, прекрасно знавшие быт и язык своих покорителей монголов, много раз свершившие путешествия по пустыням и оазисам Средней Азии, где находились ставки великих ханов, должны были бы оставить подробнейшее описание их жизни, нравов, законов, внешнего вида ханских ставок, путей, которыми приходилось путешественникам проезжать, своеобразной азиатской природы,—но здесь нас ждет разочарование. Во всей русской литературе того времени мы

не найдем ни одного такого описания, и даже те сведения, которые имеются в ней о Золотой Орде, самой близкой к нам, крайне скудны, неполны и не могут даже в малой мере равняться тому, что открывают труды западно-европейских и мусульманских путешественников того времени.

Нужно сказать, что в XV—XVI вв. на русский язык был переведен целый ряд сочинений философов арабов. Но переводы эти делались не с арабских подлинников, а с переводов на западноевропейские языки. Было также переведено и несколько европейских сочинений о „заморских" странах Востока, самого недоброкачественного свойства, авторами которых были обычно невежественные монахи. Сведения, сообщавшиеся в этих книгах, были чрезвычайно неточны, так как большая часть их поступала через десятые руки и была переполнена невероятной чепухой и баснями. Например, очень популярное в то время сочинение, „Христианская топография" Козьмы Индоплавателя, повествует нам о людях с собачьей головой „псиглавцах", о людях „об одной ноге и об одной руке", которые передвигаются колесом через голову, о таких, у которых все тело покрыто густой шерстью, а рта вовсе нет и питаются они, лишь „вдыхая запах пищи". И живут эти люди, якобы, в Индии. Земля по представлению этих „ученых" представляет собою плоский щит или гору, либо лежащие на спине у трех китов или трех слонов, либо плавающие в каком-то „море-окиане". Светила двигаются по небу при помощи специально прикомандированных к каждому из них ангелов и тому подобное.

Причину отсутствия оригинальных сочинений русских, которые, как мы видим, знали Восток хорошо, имели с ним непосредственную связь и могли бы, кажется, дать правдивое его описание, следует искать в культурной отсталости России того времени и в специфических политических, экономических и социальных условиях, не позволявших тогда развиться нашей науке и литературе.

Первое русское описание путешествия на Восток было написано лишь в средине XV века, когда развитие торгового капитала заставило русских особо заинтересоваться странами Востока и сделало необходимым более подробное их изучение. Понятно, что пионерами в этом деле явились в первую голову торговые люди, т. е. купцы, подходившие к вопросу прежде всего с той стороны, которая их больше всего интересовала: описание путей более коротких и дешевых, экономическое положение и коммерческие перспективы той или иной страны Востока, что̀ из русских товаров можно там сбыть и какие товары выгодно вывезти оттуда в Россию.

Наряду с этим нарождающийся московский абсолютизм, как нельзя более заинтересованный в развитии этих торговых оборотов, со своей стороны прилагает усилия для установления прочных, устойчивых, дружественных отношений со среднеазиатскими ханствами, по территории которых проходили важнейшие торговые пути. Безопасное передвижение по ним нужно было обеспечить русским купеческим караванам.

В 1466 году ко двору московского великого князя Иоанна III прибыл с дарами некто Хасан-Бек, посол владетеля Шемахи-Ширваншаха Фаррук-Иессара. Немедленно было снаряжено ответное посольство с многочисленными дарами для Ширваншаха, среди которых первое место заняли девяносто охотничьих кречетов, высоко ценившихся на Востоке. Во главе русского посольства был Василий Панин. Вместе с посольством собралась отправиться на Восток и группа торговых людей, которые, нагрузив холстами и полотном два корабля и заручившись проездными грамотами „от князя Михайлы Борисовича и посадника Бориса Захарыча, да благословением от владыки Геннадия“, присоединились в Нижнем-Новгороде к возвращавшемуся на родину Хасан-Беку, опоздав выехать с русским посольством Панина.

В числе этих торговых людей был тверской купец Афанасий Никитин, автор „Хождения за три моря“ (Ка-

D-87-7

спийское, Индийский океан и Черное) — первого русского сочинения о путешествиях по Азии.

Флот благополучно доплыл до низовья Волги, как вдруг под самой Астраханью на путешественников напал „хан Кайсым с тремя тысячью татар", обстрелял суда, часть их захватил, ограбил, а людей увел в плен. Однако, два корабля, на одном из которых находились посол и большинство купцов, в том числе Никитин, прошли в Каспийское море, но здесь путешественников ждало новое несчастье. Поднялась сильнейшая буря, разбила и выкинула на берег одно из уцелевших судов, на котором были последние товары русских купцов. Экипаж спасся, но был захвачен в плен кочевниками, так что до Дербента благополучно доплыл только корабль посла Хасан-Бека с его спутниками-купцами. Ширваншах встретил их ласково, немедленно потребовал от кочевников-туркмен освобождения захваченных во время кораблекрушения русских и внес за них выкуп. Однако, разграбленное имущество их вернуть было уже невозможно. Ехать обратно было не на что, да к тому же многие взяли товар в кредит и оказались в долгу. „Тогда, заплакав, — пишет Никитин, — разошлись мы кто куда; у кого что есть на Руси, пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел, куда очи понесли. Одни остались в Шемахе, другие отправились на заработок к Баке, я пошел к Дербенту, а потом к Баке, где горит огонь неугасимый, а потом за море". (Неугасимый огонь, горящий в Баке, о котором пишет Никитин, действительно существовал. Это был священный огонь в храме зораастрийцев, — домусульманской религии Персии, — построенном в Баку).

Мы не будем подробно останавливаться на описании дальнейшего путешествия Никитина, так как оно проходило не в Средней Азии, а в Персии и Индии. Как сам он говорит, из Баку он пошел за море. Сначала в Персию, там из гавани Ормуза в Индию, где пробыл довольно долго и побывал в различных ее местностях. Только в 1473 году поехал он обратно в Россию, опять через Персию, потом попал в Трапезунд, переплыл Черное

море, оказался в Крыму и затем, повидимому, через западную часть Украины проехал на Смоленск, где и умер, не доехав до родной Твери. Он оставил в необработанном виде свои записки о путешествии.

„Хождение за три моря", хотя почти не касается тех географических районов, которые нас сейчас интересуют, но все же является столь замечательным и к тому же первым памятником ознакомления русских с Востоком, что нам ни в коем случае нельзя было обойти его молчанием. По обилию сведений, в большой мере, правда, интересных с коммерческой точки зрения, как то: цены на товар или наличие тех или иных продуктов, удобство или неудобство гаваней и тому подобное, по достоверности этих сведений записки Никитина не уступают лучшим трудам современных ему западноевропейских путешественников. Никитин обладал очень большой наблюдательностью и любознательностью и совершенно исключительной способностью к овладению чужими языками, так что ему в очень короткий срок удавалось ознакомиться с речью тех стран, в которые ему пришлось попасть, что, конечно, выгодно отражалось на их изучении. Нужно лишь пожалеть, что преждевременная смерть помешала Никитину обработать свой труд.

Практические результаты путешествия не удовлетворили Никитина. В Индии он не нашел нужных для России товаров, и торговля с нею не могла заинтересовать в то время наших купцов.

Это же обстоятельство, конечно, явилось причиной того, что никто из русских торговых людей не воспользовался путем в Индию, столь подробно описанным в „Хождении за три моря".

Прошло сто лет, и только по истечении целого века появляется еще один памятник о путешествии русских в восточные страны. Это столетие было богато событиями, резко изменившими течение нашей истории и наши отношения с Востоком. Монгольское иго было свергнуто, и теперь уже не Восток наступает на Запад, а Запад—на Восток. В 1552 году пала Казань, а двумя

годами позднее — Астрахань. Давно забыта зависимость русских князей от великих ханов, и возвышающийся московский князь, а позднее царь, требует к себе надлежащего почтения. И когда бухарский хан Абдулла прислал к царю Федору посла с грамотой, которая была написана не так любезно и почтительно, как этого хотелось русскому правительству, да к тому же в ней не упоминалось о фактическом вершителе всех государственных дел — Борисе Годунове, то последний, задетый этим, по поручению царя, написал грамоту бухарскому хану со следующим выговором:

„Ко государю нашему, к великому государю и царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руссии пишут братья его, государя нашего, великие государи цесарь римский и салтан турский и король ишпанский и иные великие государи в своих грамотах имя его царское сполна и о делах пишут с великим прошением и великою любовью... а ты отведай и про меня, Бориса Годунова, царского холопа, с какой ласкою и любовью пишут ко мне великие государи цесарь римский, король ишпанский и иные великие государи".

Падение Казани и Астрахани было началом той великой русской экспансии в Среднюю Азию, которая завершилась в XIX веке присоединением к русской империи Коканда, Хивы и Бухары. Непрерывно растущий торговый капитал ищет новых путей, новых возможностей и находит их на Востоке. В силу этого теперь начинаются регулярные дипломатические сношения России с среднеазиатскими ханствами.

Первым, кому суждено было установить эти отношения, был Антоний Дженкинсон, служащий английской московской торговой компании, ведшей торговлю с Россией через Архангельск, и посланный в 1558 году на розыски забытого торгового пути в Китай через среднеазиатские земли, очень и очень интересовавшие английских купцов. Дженкинсон при содействии московского правительства благополучно доехал по Волге до Астрахани, переплыл Каспий и проник до Хивы и Бухары. Но

здесь он не нашел того, что искал. Политические события, разыгравшиеся перед этим в Средней Азии, слишком сильно подорвали экономику среднеазиатских государств и ослабили, а иногда даже свели на-нет их торговые связи. Поэтому мечты англичан о возобновлении этим путем торговли с Китаем разлетелись в прах.

Зато для России поездка Дженкинсона имела огромное значение. Он вернулся в Россию в сопровождении послов далеких Хивы и Бухары, что положило начало прочным дипломатическим отношениям между этими странами и московским государством. Характерно, что слабый русский торговый капитал был выведен на дорогу постоянных сношений с Востоком при помощи более сильного английского капитала, который искал путей и выходов для себя, но вынужден был уступить дорогу новому сопернику, сопернику слабому, но поставленному в более благоприятные условия самой природой. И, быть может, с этого времени начинается вражда двух соперников, борющихся за преобладание на Востоке,—Англии и России.

За этими послами потянулись и другие; следовали ответные русские посольства, которым поручалось договариваться о безопасной торговле, освобождать от пошлин и выкупать русских пленников, рыбаков Каспийского моря и, главным образом, купцов, захватываемых на берегах Каспийского моря кочевниками и продаваемых в рабство в среднеазиатские государства. Сохранилось не мало отчетов — „статейных списков" — этих посольств. Некоторые из них стоят того, чтобы на них можно было остановиться подробнее. И в первую очередь необходимо упомянуть о посольстве Ивана Даниловича Хохлова в Бухару в 1620 году. Хохлов был по-видимому человеком авантюрной складки, но умным и к тому же знавшим Восток, где Хохлов бывал несколько раз еще до своего посольства: впервые в 1600 году, когда он сопровождал из Казани на родину персидского посла; потом в 1613 году в качестве посланника в Персию от мятежного атамана Заруцкого, завладевшего на некоторое время Астраханью.

Хохлов как-раз был в Персии при дворе шаха Аббаса, когда московским войскам удалось подавить мятеж Заруцкого. Тотчас же было предъявлено требование и о выдаче его посла Хохлова. Шах согласился с условием, что Хохлов будет прощен и вина его забыта. Но, конечно, московский царь, хотя и пообещал забыть вину Хохлова, но не собирался это сделать и потому подверг его жестокой и длительной опале. Однако, когда в 1620 году понадобился толковый и ловкий человек для посольства в Бухару, то выбор пал на Хохлова, и он был назначен послом.

Посольство отправилось в путь обычным путем через Астрахань по Каспийскому морю. Здесь буря разбивает „бусу" Хохлова (большая долбленая, чаще всего из дуба, лодка, с острым носом, круглым дном и тупой кормой; обычно к ней наставлялись фальшивые борта) и выбрасывает его на берег близ мыса Тюп-Караган, на полуострове Мангышлак. Там, как это постоянно бывало в то время, на потерпевших крушение напали кочевники туркмены с намерением ограбить их, отнять у них все имущество, а самих продать в рабство. Иван Хохлов и его спутники не пожелали так просто сдаться: у них было достаточно оружия, „пищалей", бывших в то время последним словом оружейной техники, „и он де Иван, — как пишет в своем отчете сам Хохлов — на берегу моря укрепился городком, оклался каменьем и бой учинил".

После довольно долгих переговоров с нападавшими удалось, наконец, убедить туркмен, что купцов, которых полагается грабить, здесь нет, что это дипломатическое посольство к хану, которому туркмены, де, подчиняются, и задержать посольство — значит нанести оскорбление и хану и царю, пославшему послов. Конечно, соглашение было достигнуто не столько красноречием, сколько довольно значительной суммой, которую Хохлов уплатил кочевникам. После этого посольство двинулось дальше по невеселым среднеазиатским степям. Хохлов отмечает в своих записках: „а от реки Дарьи шли до бухарские

земли пустым местом, пески двенадцать ден". И еще: „а между бухарской и юргенчской землей жилых мест нет же, все пески, места худые".

Когда почитаешь такие вот путевые записки, как Никитина или Хохлова, то сразу становится понятно, как трудно было тогда совершать эти странствия, становится понятным тот страх, с которым пускались в них люди; прощались, не зная, вернутся ли, увидят ли свою семью, родные места. Нужно помнить о тех примитивных средствах передвижения, которыми располагали все эти Никитины, Хохловы и их современники; на суше — конь, а на воде какая-нибудь буса, т. е. просто большой парусный челн, который не мог как следует бороться даже с маленьким шквалом. А попробуем только представить себе, что значило пересечь караванным путем среднеазиатские степи, проделать путешествие, которое даже теперь на скором поезде кажется бесконечно долгим и утомительным, где даже сейчас кажется, что твой поезд заблудился и просто-напросто кружится, ища выхода, и не может выбраться из желтой песчаной пустыни, где и небо и земля источают невидимый палящий пламень.

Нужно еще вспомнить и то, что многочисленные разноязычные племена, населяющие прикаспийские степи, были в то время дикими кочевыми ордами, вечно между собой враждовавшими и фактически никому не подчинявшимися. Поэтому никаких международных договоров или обязательств признавать они не желали и грабили всех, кто попадал к ним в руки, смотря на этот грабеж, как на свой законнейший „отхожий промысел". Однако, слишком сильны были экономические причины, гнавшие в эти дикие места предприимчивых людей, этих разведчиков в наступательной кампании Запада на Восток.

Достигнув Бухары, Иван Хохлов не застал там хана Имам-Кули. Тот был в это время в Самарканде, куда и направилось русское посольство, передохнув немного в Бухаре. Даже достигнув дружественных бухарских владений, послы не могли вздохнуть свободно, так как

со стороны всех ханских чиновников не наблюдалось никакого содействия путешественникам. Наоборот, чиновники чрезвычайно нахально вымогали у послов подарки и взятки. Особенно много посягательств было на охотничьих кречетов, которых обычно посылали в числе других ценных подарков русские цари. Из-за этих кречетов произошла даже форменная потасовка у одного из бухарских вельмож с толмачом Хохлова.

По прибытии в Самарканд Иван Хохлов был принят Имам-Кули и прочел ему царскую грамоту. „И царь, де, выслушав речь, говорил, что он великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руссии прошения все исполнит: что у него есть русского полону, тот весь полон велю сыскать, а сыскав, де, тебе пришлю в Бухары". Таким образом, главная задача посольства Хохлова — освобождение русских пленных — была достигнута, и теперь, вернувшись по приказу хана в Бухару, он стал ждать прибытия пленных и разрешения ехать обратно. В этом ожидании прошло около шести недель. Наконец, посольство выехало обратно, взяв с собой тридцать одного освобожденного пленника. Большего количества русских пленных, по словам хана, найти не удалось, так как они были в рабстве у различных частных владельцев.

Обратный путь в Россию был еще труднее, так как за это время в соседнем Хивинском ханстве, через которое подлежало проехать путникам, произошли большие смуты. „И как они отошли от Бухар к Юргенчу, — пишет Хохлов, — и на половине дороги и встречено ими перебежки из Юргенча, беж многие люди и сказали, что в юргенчской земле учинилась смута: Арап-Хана (Араб-Мухаммеда) дети его, Абеш (Хабаш), да Ильбарс поимали и выняли очи... А больший. де, брат их Смендияр (Исфендиар) царевич сел от них в осаде". Попав в эту междоусобицу, Хохлов несколько раз подвергался ограблению: у него отняли освобожденных пленников, и только после больших хитростей и усилий с его стороны опять удалось добиться их освобождения и вернуться всем на родину.

Кроме посольства Хохлова нам известно еще несколько других таких же посольств этой эпохи, главной задачей которых было договариваться о безопасной торговле для московских купцов в царстве такого-то хана и освобождать пленных русских. С течением времени, по мере того как увеличивается заинтересованность московских государей в Средней Азии, а также в зависимости от общего повышения культурного уровня страны и, главным образом, с повышением уровня географических представлений и знаний, начинают предъявляться более высокие требования к сведениям, привозимым из подобных путешествий. На посольства, которые едут в Среднюю Азию, возлагаются теперь задачи добывать более точные сведения о ней, а также по возможности проникать в соседние страны Востока, в первую очередь — в Индию. Эти посольства сильно обогащают представления русских о среднеазиатской жизни и быте населяющих Среднюю Азию народов, главным образом, конечно, о быте высших, более богатых кругов местного населения, которым чаще всего и ближе всего приходилось сталкиваться с русскими посланниками. Интересен в этом отношении отчет посольства 1670 года, во главе которого стояли братья Пазухины. В отчете этого посольства, прошедшего в общем благополучно и принятого бухарским ханом Абдул-Азизом с честью, подробно описывается церемония приема послов, угощение их, пир.

Хан принял послов, сидя на застланном златотканным ковром возвышении, окруженный свитой около ста человек вельмож. После довольно долгого препирательства о том, кто передаст хану грамоту русского царя, везир хана или сам Пазухин, последний настоял на своем и был торжественно подведен вельможами под руки к хану, вручил ему грамоту и произнес речь, в которой высказал пожелания вечного мира и любви, а, главное, беспрепятственных торговых сношений между обоими государствами. „В дружбе и в любви и в ссылке (знакомстве, отношениях) быти хотим свыше прежнего. И торговым

вашим людем в наше царского величества государство, также и нашим торговым людем в ваше государство обе стороны ходить позволили".

Интересно описание пира, на который были приглашены Пазухины, при чем им в виде особой любезности было указано, что на этом пиру „других послов не будет". Вот как послы описывают в своем отчете это торжество. Посланники сидели по левую руку от хана, с вельможами и воеводами от разных городов, по этому случаю собранными, а по правую руку сидели хаджи и духовные особы. Перед ханом лежали его доспехи; за ним стояли двенадцать придворных, державших поочередно его посох и саблю. Перед ханом было двести есаулов с посохами, а позади них на рундуках по обе стороны стояло девять человек с пищалями.Скатерть нес в „мисе" стольник; перед ним шел дворецкий и, взяв скатерть, подал ее придворному чиновнику, коего должность состояла в том, чтобы накрывать на стол, отведывать кушанья, принимать их, ставить перед ханом, стоя на коленях на верхней ступени возвышения... Перед ханом стояли золотые сосуды и тарелки. Девять потешников забавляли обедавших пением и пляской. После этого приведен был зверь с черным над губою рогом, при чем хан задал вопрос, водятся ли такие звери в России, на что Пазухин, боясь умалить свое национальное достоинство, сознавшись, что таких зверей в России нет, ответил, что хотя он сам и не видывал их, но владения русского царя столь велики, что никому неизвестно, какие там звери только не водятся.

Кроме этих забавных сведений братья Пазухины привезли также и много сведений, относящихся к возложенной на них миссии, а, именно, описание пути в Индию и довольно точные данные об экономическом положении Бухары, которое было тогда весьма неблестящим. „Казна ханская очень бедна, ибо деревни все расписаны на содержание войск и разных чиновников, а собираемые с денежного двора суммы и пошлины издерживаются на ханские домашние расходы".

По возвращении Пазухина тотчас же была сделана попытка воспользоваться добытыми им сведениями о путях в Индию. С этой целью были посланы в Бухару Василий Александрович Даудов, — принявший христианство и поступивший на русскую службу перс, — и Мухаммед Юсуф Касымов, казанский татарин. Им было поручено собрать подробные сведения о путях в Индию через Среднюю Азию, особенно о водных, разузнать точнее, что такое за река Аму-Дарья, какие возможности открывает она для судоходства и нельзя ли будет использовать ее как путь в Индию. Помимо этого Касымову было поручено дойти до самой Индии и по возможности вступить в переговоры с индийским шахом о торговле между Россией и Индией. Миссия Касымова не удалась. Он доехал только до Кабула. Переговоры с индийскими властями не привели к желаемым результатам. „Шах в дружбе и в любительных ссылках с великим государем быть не захотел, ибо с давнего времени послов к нему от Российского государства не было".

К сожалению, отчет об этом путешествии затерялся и никаких более подробных сведений о нем до нас не дошло. Позднее было сделано еще несколько попыток установить торговую связь с Индией через Среднюю Азию и с этой целью было отправлено несколько посольств и торговых караванов. В конце-концов русским купцам удалось проникнуть в Индийское царство, но установить какие-либо прочные торговые связи с ним, как этого хотелось московскому правительству, так и не представилось возможности. Все же мечта о торговле с Индией не была оставлена русским торговым капиталом и опиравшимся на него государственным аппаратом, и попытки в этом направлении делались еще не раз, как мы и увидим ниже.

Эпоха Петра Первого, имевшая своей экономической базой торговый капитал, во имя расцвета которого теперь ломаются все старые принципы и устои „древней святой Руси", основательно, впрочем, уже подгнившие и покачнувшиеся раньше, эпоха борьбы за „Российскую

империю", равноценную своим западным собратьям, борьбы за русский порт, за русскую торговлю в первую голову не могла, конечно, оставить без внимания Восток. Россия во что бы то ни стало должна была стать монопольным посредником в торговле между Средним Востоком и Европой. Эта борьба ведется все время, всеми силами и средствами, начиная от мирных посольств с заверениями „любви и дружественных чувств" России к такому-то государству до откровенного захвата вооруженной силой. В то же время по вполне понятным причинам появляются первые русские научные труды, посвященные Востоку. Правда, непосредственные результаты политических мероприятий Петра I на Востоке следует признать неудачными. Завоевания его на берегах Азовского и Каспийского морей были еще при жизни Петра в большинстве своем возвращены первоначальным владельцам — Турции и Персии. Но стало уже совершенно ясно, куда направит свои вожделения новая европейская хищница — Российская империя; была ясна необходимость и неизбежность этих захватов, если ничто не помешает России итти дальше по взятому ею курсу великодержавия. Вопрос был лишь во времени. Серьезно заняться Средней Азией, где интересы России уже давно определились, а теперь еще более выявились, благодаря сведениям, которые начали поступать в Россию в это время, сделалось необходимостью. Сведения эти были следующие: во-первых, что Аму-Дарья до недавних пор впадала в Каспийское море, но была из страха перед русскими, якобы, отведена хивинцами в Аральское море [1]). Существование такого русла и возможность его восстановления означали бы для России приобретение чрезвычайно важной водной магистрали, крайне удешевляющей и упрощающей торговлю со Средней Азией, а может даже и открывающей путь в Индию.

Во-вторых, что на реке Дарье, якобы, лежит город „Еркеть" и возле него находятся золотоносные пески

[1]) Вопрос о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море и о старом русле реки, так называемом Узбое, еще не решен наукой.

(впоследствии выяснилось, что под „Еркетью" подразумевался Яркенд в Восточном Туркестане). Оба эти чрезвычайно важных известия очень заинтересовали Петра, и поэтому тотчас же было приказано снарядить две экспедиции. Экспедиции были включены Петром „в план" мирного завоевания Средией Азии, заключавшийся в том, чтобы воспользоваться для ее захвата политическим разложением среднеазиатских ханств. В петровскую эпоху Хива и Бухара сносились с Россией уже не как с равной, а с покровительствующей державой. Внутренние смуты, борьба узбекской родовой аристократии с ханами, частая смена последних совершенно расшатали эти государства. И тут-то Петр предполагал осуществить такую очень выгодную для России, если бы она удалась, политическую комбинацию: Россия посылает хану достаточное количество войск для укрепления его престола от посягательств всяких беспокойных элементов; взамен этого хан принимает на себя обязательство содержать эти войска. Таким образом, ханская власть укрепляется, и хан становится независим от прихотливой придворной игры интересов различных партий и правящих кругов, но зато фактически становится вассалом России.

В мае 1714 года издан был сенатский указ следующего содержания: „Послать в Хиву к хану с поздравлением на ханство, а оттоль ехать в Бухары к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее—чтобы проведать про город Эркеть, сколько дней оный от Каспийского моря и нет ли каких рек оттоль или хотя не от самого того места, однако поблизости, в Каспийское море". Главой экспедиции был назначен "лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик, князь Александр Бекович Черкасский". Он происходил из Кабарды, носившей в то время название „земли Черкасской", и кроме имени русского носил еще мусульманское — Девлет Гирей, под которым и упоминается в хивинских исторических записях. Бекович Черкасский был одним из тех молодых людей, которых Петр посылал для выучки за границу, а потому получил достаточное образование и кроме того являлся

Д-87-т

сторонником новшеств, проводимых в России Петром. Поздней осенью того же 1714 года Бекович с отрядом в 1900 человек вышел на тридцати судах из Астрахани в Каспийское море. Но осенние бури и обильные льды, как и вообще трудности похода в это время года, да еще в совершенно чуждой для войск обстановке, нанесли экспедиции довольно чувствительные потери и заставили ее вернуться.

В апреле следующего года флот Бековича снова вышел из Астрахани. Командующий рассчитывал, повидимому, что в течение этого года удастся произвести одну лишь рекогносцировку, и поэтому, отпустив взятых раньше в помощь отряду 500 яицких казаков, высадился на мысе Тюи-Караган. В этом месте как-раз начинался древний торговый путь на Хиву, и здесь-то Бекович и приступил к выполнению своего плана. Выделив небольшой отряд под начальством туркмена Хаджи Нефеса, состоявшего на русской службе, он поручил ему найти и осмотреть, якобы, существующую плотину, которую возвели хивинцы, чтобы изменить течение Аму-Дарьи и повернуть ее в Аральское море. Посланные должны были также собрать у кочевников все сведения, относящиеся к этой плотине, и установить возможность возвращения реки в старое русло. Сам же Бекович спустился к Красноводскому заливу, т. е. к старому устью Аму-Дарьи — Узбою, и убедился в существовании этого русла. Хаджа Нефес, выполнив возложенное на него поручение, прибыл сюда и привез утешительные сведения: он также видел покинутое Аму-Дарьей русло и на берегах его — остатки погибших вместе с рекой селений. Туркмены, которых удалось опросить, подтвердили, что реку можно вернуть в старое русло и заставить течь в Каспий.

Таким образом, вернувшись в Россию, Бекович мог послать царю приятное донесение о своих успехах и представил тщательно составленную военными топографами отряда карту восточного берега Каспийского моря.

На следующий год Бекович был награжден за свои заслуги чином капитана гвардии и вновь назначен начальником экспедиции, на этот раз более серьезной и ответственной. Возложенные на него поручения были перечислены в особой инструкции, сущность которой такова: Бекович должен был заложить укрепление у бывшего устья Аму-Дарьи, затем отправиться послом к хану хивинскому и „склонить того к верности и подданству, обещая ему наследственное владение". Далее инструкция предлагала просить у хана „судов и на них отпустить купчину по Аму-Дарье реке в Индию, наказав, чтобы изехал ее, пока суда могут итти", и, наконец, „будучи у Хивинского хана, проведать и о бухарском: нельзя ли его хотя не в подданство, то в дружбу привести".

20 сентября 1716 года Бекович вышел из Астрахани на 138 судах и прошел к урочищу Тюи-Караган на восточном берегу Каспийского моря, где и заложил крепость, а потом спустился к урочищу Красные Воды, где тоже „велел строить крепость". Оттуда он вернулся в Астрахань.

Тем временем слухи о каких-то русских приготовлениях дошли до Хивы, а до Астрахани стали доходить с разных сторон дурные вести о том, что „служилые люди идут в Хиву и нам слышно, что тамошние бухарцы, кайсаки, каракалпаки, хивинцы собираются вместе, хотят на служилых людей итти боем; как бы худо не было". Бекович, ослабив свои силы оставлением гарнизонов в построенных им крепостях, все же решил двинуться на Хиву и весной 1717 года вышел в поход. Вскоре пришло известие, что весь отряд Бековича с самим князем погиб в хивинских песках.

Что же произошло с русским войском? Не доходя восьми дневных переходов до Хивы, Бекович выслал вперед астраханского дворянина Крейтова в сопровождении ста казаков с письмом к хану, заверяя его в дружественности своих намерений. Хан в свою очередь послал встречное посольство с подарками: конем, халатом и плодами. Но вскоре до него, повидимому, дошли, слухи о тайных

замыслах русских, при чем эти подозрения усилились, когда стало известно, что с „послом" идет многотысячное войско. Тем временем экспедиция спустилась к озеру Айбугир и остановилась там на привал. Здесь на нее неожиданно напали хивинцы. Сначала были захвачены в плен тридцать человек казаков, отправившихся на рыбную ловлю. Одному из них удалось бежать и предупредить своих о надвигающейся опасности. Укрепившись наскоро за повозками на берегу озера, русские вступили в бой с налетевшими на них хивинцами, которыми командовал сам хан Ширгази. За ночь русским удалось окопаться рвом и возвести вал, под защитой которых они в течение двух дней вели бой, окончившийся поражением хивинцев. Посоветовавшись со своими вельможами, хан решил взять русских хитростью. Он послал к ним некоего Ишим-Ходжу, который заявил от имени хана, что нападение на русских было произведено без ведома хана и виновные будут жестоко наказаны. И если князь Черкасский, действительно, мирный посол, то хан готов его выслушать. Начались переговоры, целовали коран и крест на верность, и затем Бекович и его войско были торжественно приняты в Хиве. Но хан объявил, что расквартировать такое большое войско в одной Хиве невозможно, и предложил разделить его на пять отрядов, чтобы разместить их по окрестным селениям. Бекович согласился на это, вопреки уговорам и возражениям своих ближайших подчиненных. Едва войска покинули Хиву, как был дан сигнал к нападению на отряд Бековича. Одним из первых был убит он сам. Его отрубленную голову Ширгази послал бухарскому хану, но тот, боясь мести русских, отказался принять этот мрачный подарок. Головы русских военачальников долго торчали на шестах у Азарских ворот города Хивы. Та же судьба постигла и остальные отряды экспедиции. Часть солдат была истреблена, часть продана в рабство. Немногим удалось бежать, и от них-то—главным образом от упоминавшегося выше Ходжи Нефеса,—и стало известно о печальной участи Бековича и его войск.

Вторая отправленная Петром I в 1714 году экспедиция под начальством Ивана Бухгольца должна была пройти в Среднюю Азию через Сибирь и попытаться проникнуть этим путем к „Еркети" — Яркенду, „на реке Дарье", и исследовать ее истоки. Под „Дарьей" подразумевалась Аму-Дарья. Это ошибочное предположение явилось по всей вероятности следствием того, что русскими слово „Дарья", на иранских языках означающее просто „большая река", а иногда также „море" и „озеро", понималось как имя собственное, между тем как Аму-Дарья и Яркенд-Дарья в переводе на русский язык значат Аму-река, Яркенд-река, вроде того как мы говорим, например, Москва-река и т. п. Слыша, что город Яркенд лежит на Дарье, русские спутали две реки, берущие свое начало в ледниках Памира, но текущие — одна, Аму-Дарья, на северо-запад через Среднюю Азию и впадающая в Аральское море, другая, Яркенд-Дарья, на восток и впадающая в Тарим, пересекающий Кашгарию и впадающий в озеро Леб.

Полковник Бухгольц вышел из Тобольска во главе двух полков пехоты, при чем в состав отряда входило несколько инженеров и топографов, среди которых было довольно много пленных шведов, и отправился вверх по Иртышу, где им было заложено несколько крепостей. Трудные условия существования, сибирская язва, нападения калмыков, не позволявшие наладить регулярное снабжение отряда, помешали Бухгольцу продвинуться дальше современного Ямышева.

Кое-кому из его преемников удалось дойти до озера Зайсан и Черного Иртыша, но город Еркеть на реке Дарье так и не был достигнут.

Все же эта военная экспедиция дала известный результат как в политическом, так и в научном отношении. В политическом — она укрепила здесь русское владычество и определила границы его, положила основание нескольким укреплениям, вокруг которых со временем разрослись поселки, города, иногда довольно значительные, как, например, основанный в 1716 году на возврат-

ном пути Бухгольца-Омск. В отношении научном — русские познакомились с географией и жизнью Джунгарии.

Гибель экспедиции Бековича Черкасского нарушила на некоторое время сношения России с Хивинским, а также и с Бухарским ханствами, хотя бухарский хан, как было уже отмечено нами выше, поспешил заявить о своей непричастности к разгрому русских.

В 1717 году посол Кули-Бек был отправлен бухарским ханом в Петербург с просьбой хана послать „разумного человека" в Бухару для возобновления мира и торговых сношений. Помимо этого посол заявил от имени хана, что тот, услышав о победе Петра над шведами и зная, что это народ храбрый и мужественный, просит прислать ему девять шведок. Очевидно, хан предполагал, что европейские народы тоже уводят в плен побежденных и обращают их в рабство. Русское правительство согласилось на просьбу хана о посольстве и отправило в Бухару образованного итальянца Флорио Беневени, бывшего до этого „секретарем ориентальной экспедиции Посольского приказа".

В июле 1718 года Петром была подписана инструкция, предписывавшая Беневени немедленно собраться, чтобы успеть выехать вместе с Кули-Беком, несколько задержанным для этого в Астрахани. Беневени было поручено подробно разузнать о путях сообщения, о военных силах среднеазиатских государств, особенно Бухары: „какие они суда имеют, какие городы и укрепления и имеют ли фортеции, сколько у хана в его области каких крепостей и в которых местах, коликое число войска, конницы и пехоты и артиллерии и в каком состоянии все оное". Разведать также внутреннее политическое состояние ханства, крепка ли власть хана, кого он боится из внутренних или внешних врагов и, конечно, „не потребна ли им будет помощь царского величества и... ежели возможно с его царским величеством альянц учинить". А „наивяще всего подлинно разведать и усмотреть стараться надлежит, какие товары бухаряне в своем владении имеют, и куды оные торгуют, и невозможно ли в тех

краях российского купечества размножить, и какие им товары потребны, и может ли то купечество быть отправляемо морем, или если морем невозможно, то сухим путем и через какие места, и свободен ли проезд сухим путем от нападения какого; також жилые места или степи или болота, чему всему иметь запись".

Так, расчищая путь русскому торговому капиталу, изучались и наносились на карту неизвестные заморские земли.

Опасаясь хивинцев, Беневени и Кули-Бек решили ехать на Шемаху и оттуда через Персию до Бухары. Расчеты их не совсем оправдались. Персия находилась в натянутых отношениях с Бухарским ханством и не особенно охотно пропускала бухарцев через свои земли. В Шемахе, тогда персидской, их очень долго продержали, и выбраться им удалось только после длительных переговоров и угроз со стороны русского посланника. Осенью 1720 года путешественники выехали, наконец, из Шемахи как раз во-время, чтобы, укрывшись в лежащей поблизости деревушке, наблюдать разгром этого города лезгинами, спустившимися внезапно с гор. „Оттоль яко в проспективе шемахинскую смотрели трагедию", пишет в одном из своих писем к Петру Беневени. Беневени продолжал затем свой путь через Гилян, продвигаясь очень медленно, и лишь через три месяца достиг Тегерана, где и был ласково принят шахом. Дальнейший путь до Бухары прошел в общем благополучно. Но в Бухаре найденная послом обстановка оказалась неутешительной, хотя хан благоволил к русскому послу и оказывал ему всяческие знаки внимания. Внутренние смуты, разжигаемые узбекской родовой аристократией, сводили почти на-нет авторитет власти хана. Как ни был бы он рад укрепить свой пошатнувшийся трон силой русского оружия, заплатив за это даже независимостью Бухары, однако, за все три года пребывания там Беневени хан не решился подписать какое бы то ни было соглашение в этом роде: так силен был его страх перед узбеками, не в интересах которых было допустить усиление центральной власти.

Хан боялся даже принимать у себя посла, так что большую часть своих переговоров Беневени вел окольными путями через евнуха, няньку или сестру хана. В своих записях Беневени сплошь и рядом упоминает о той картине полного политического разложения, которую представляло уже тогда из себя Бухарское ханство.

Конечно, при таком положении вещей нельзя было гарантировать безопасность русской торговли и поддерживать с Россией регулярные торговые сношения. „Что касается до коммерции, то вашему величеству доношу, что оная коммерция в здешнем кр е с добрым порядком николе заведена быть не может, разве тогда хан получит соверните". Тем не менее в Бухаре было изобилие товаров, нужных для русской торговли, равно как и замечалась крайняя потребность в русских товарах.

Боясь каких-либо эксцессов со стороны главарей узбекской партии, боявшейся русского вмешательства в дела Бухары, Беневени решил бежать.

За время пребывания его в Бухаре знакомый уже нам хивинский хан Ширгази несколько раз посылал к Беневени гонцов с просьбой приехать в Хиву, по всей вероятности желая наладить таким путем испорченные после гибели Бековича отношения с Россией. Беневени долго колебался, боясь козней и подвохов со стороны Ширгази, но, не имея никакой иной возможности для отъезда из Бухары, пребывание в которой давно перестало быть приятным и могло стоить жизни членам посольства, решил все же воспользоваться приглашением хивинского хана.

Весной 1725 года Беневени тайно снарядил свой посольский караван. Отправив вперед четырех верблюдов, нагруженных мехами с водой, он ночью выехал из Бухары в сопровождении двадцати семи человек своей свиты. Путь был очень тяжелый, так как в апреле в бухарских пустынях стоит уже сильная жара, а источники там редки. В Хиве Беневени был встречен очень любезно, но и здесь хан не был полным хозяином своей земли, как и его бухарский собрат. Недружелюбие

придворной клики, а главное — превышающее всякие пределы вымогательство подарков, которых Беневени уже не мог делать, так как очень издержался за дорогу,—заставили его подумать об отъезде и из Хивы. Испросив тайную аудиенцию у хана, Беневени бежал затем в Астрахань, куда и прибыл через двадцать пять дней.

Политическая миссия Беневени не удалась, не утешительны были и привезенные им сведения о возможности торговли с Бухарой. Но он сделал все, от него зависящее, чтобы разузнать о природных богатствах края, о золотоносных реках, серебряных рудниках и заповедных копях ляпис-лазури на Памире. Правда, собранные им сведения — преимущественно расспросного характера. Сам он не посещал этих мест; не был он также и ученым геологом, который мог бы точнее определить качество и ценность разных минералов. Но ряд собранных им сведений нашел подтверждение, а кроме того многолетнее пребывание русского посла в среде азиатских народов не могло пройти бесследно, и записи Беневени послужили дальнейшему знакомству Европы, в частности России, со странами Средней Азии.

Беневени не был путешественником в том смысле слова, как мы его понимаем. Это был государственный деятель, имевший совершенно определенное задание, в плоскости которого он и рассматривал все, что происходило перед его глазами.

Путешественников и исследователей, ищущих открытий, ищущих нового, неизведанного, в Средней Азии почти не было, как мы и говорили раньше. В большинстве случаев были экспедиции или специально торговые или военно-захватнические, попутно, между прочим, собиравшие и привозившие потом разные сведения о государствах, где они побывали.

На протяжении того же столетия в среднеазиатские ханства не раз посылались посольства, подобные тому, во главе которого был Беневени. Полковник Гарбер сопровождал с вооруженным отрядом купеческий караван в Хиву, где он заключил договор с ханом. Примерно

В-87-7

такой же торговый караван под охраной поручика Миллера отправился в 1739 году в Ташкент, но был разграблен по дороге казацкими (киргиз-кайсацкими) ордами. Были еще и другие, более мелкие экспедиции, останавливаться на которых мы не можем за отсутствием места. Все они содействовали расширению нашего познания, так как всегда привозили что-нибудь новое или уточняли ранее известные сведения.

Среди сочинений, написанных в XVIII веке о Средней Азии, есть все же одно, которое близко подходит к таким описаниям заморских стран, где неожиданные и самые невероятные приключения чередуются с точными и вполне достоверными сведениями как этнографического, так и бытового характера. Это подлинное описание всего пережитого и виденного русским унтер-офицером, захваченным в плен во время пугачевского восстания. Он был затем продан в рабство в Бухару, откуда начались его необычайные похождения.

Филипп Ефремович Ефремов был сыном мелкого консисторского чиновника города Вятки. Поступив на военную службу, он был через несколько лет произведен в капралы, а затем в сержанты и в 1774 году, т. е. в год пугачевского бунта, „командирован был на заставу Донгуз, так называемой дороге Илецкой Защиты, с 20 человеками солдат и казаков и с одною пушкою". Несколько дней прошло в полном спокойствии, но вскоре на утренней заре на заставу напал отряд пугачевцев численностью около 500 человек. Ефремов со своими людьми отстреливался, но к вечеру у них не стало пороху, а численный перевес был на стороне нападающих. „Видел я неизбежную погибель,—пишет Ефремов,—и для того, заколотив пушку и сев с людьми своими на лошадей, думал обратиться к Оренбургу и избавить хотя несколько человек от плену. Тогда злодеи сии бросились прямо на нас, и как порох у нас вышел весь и только в ружьях осталось по заряду, то я на бегу последним зарядом выпалил, но к несчастью сие не удержало стремительности разъяренной черни, и один, догнав

меня, ударил саблей вдоль ружья моего и оною отрубил у левой руки большой палец, другой поразил меня саблею над правым ухом, а третий копьем ранил в голову выше лба.

Оцепенев и пришед в бесчувство от ран и поражений, не помню, что со мною и с находившимися при мне происходило; когда же пришел в чувство, узрел я себя связана со многими моими товарищами". Ночью Ефремову удалось развязать веревки и, освободив еще двух товарищей, бежать. Беглецы добрались до реки Донгуз, где в камышах скрылись, чтобы передохнуть, а затем итти к Оренбургу, находившемуся всего верстах в пятнадцати от места происшествия. Но лишь только они вышли из своего тайника, как „вдруг двумястами киргизцев, из гор выехавшими, были встречены; ослабев силами и не имея уже при себе никакого оружия, не было нам вовсе средства противиться, и они, схватя нас, посадили на лошадей своих, подвязав ноги под брюхо лошадиное, и увели в свои улусы".

Вскоре за тем русские пленники были проданы в рабство, и Ефремов, таким образом, попал в Бухару в руки некоего Ходжи Гафура, который подарил его своему тестю, бывшему аталыком (градоначальником) города Бухары. Аталык приставил сначала его сторожем к своему гарему, состоявшему из четырех жен и шести наложниц-рабынь, калмычек и персиянок. В этой должности он оставался до тех пор, пока не оказалось, что он научился свободно говорить на местном языке. Тогда аталык отрешил его от должности и сделал десятником—„дабаши". Повидимому, бухарец хотел использовать знакомство Ефремова с военным делом и, желая убедиться в его преданности, всеми силами старался обратить его в мусульманство, прибегая даже к пыткам. Так, Ефремову вливали в рот насильно крепкий солевой раствор, в результате чего пленник едва не погиб. Склонить Ефремова к принятию мусульманства не удалось, но все же пытка произвела на него должное впечатление, и он дал аталыку клятву в верности бухарскому престолу. После

этого он был назначен пятидесятником, а через некоторое время юзбашею, т. е. сотником.

На военной службе у бухарцев Ефремов совершил ряд подвигов и „все тамошние города и дороги видел". Действительно, он приводит разные данные о расстояниях между различными городами и селениями Бухары и дает описания их, правда, довольно сухие и краткие. Неоднократно отличившись в боях, Ефремов, повидимому, вполне заслужил расположение и доверие своего хозяина. Он был несколько раз жалован землею, деньгами и подарками. Однажды ему было приказано поехать в Хиву. Этим случаем он воспользовался для побега.

Судьба благоприятствовала пленнику. За сто червонных писарь аталыка написал Ефремову фальшивую грамоту о том, что он, якобы, едет послом в Коканд. Влюбленная в русского рабыня-ключница выкрала печать аталыка, которую и приложили к грамоте. Благополучно доехав до Коканда, Ефремов решил назваться купцом и попробовать счастья в другом. „Услышал я, что купцы имеют намерение ехать в город Кашкар, купил такого ж товару, как они торгуют, и поехал с ними, а дорогою сказывался ногаем". Оттуда через Тибет он проник в Индию, где также не без приключений и не без препятствий, чинимых не азиатами, а английскими хозяевами Индии, ему удалось сесть на корабль, уходящий в Европу, куда он и прибыл пять месяцев спустя.

Не одаренный особенными литературными способностями, Ефремов пишет почти канцелярским языком: сухо и чрезвычайно кратко. Описания пестрых приключений, занявших десять лет его жизни, заняли всего-навсе 56 страниц очень маленького формата. Да еще примерно столько же — отдельные сведения о различных особенностях туземного быта, привлекших внимание автора по тем или иным причинам, или же описания необычных для русского промыслов и культур. Так, например, Ефремов сообщает о „хлопчатой бумаге", о шелке, о „ханах бухарских", о „дожде, воде и снеге", о „женском уборе", о том, как „пищу употребляют",

„чем Бухария изобильна", „каков воздух и жители". Кроме того, он приводит разные данные о военном состоянии ханства и описывает самый город Бухару. Вот какой вид имела Бухара того времени:

„Городовая стена глиняная, толщиной снизу две сажени, ворот одиннадцать, посреди города, имеется каменный круглый столб, вышиною пятьдесят саженей, толщиною три сажени. Неподалеку от того столба рынок, под названием чарцу, где с утра до половины дня торг бывает, в оном же рынке имеется караван-сараев каменных четыре, а с половиной дня торг бывает, где ханский двор. Сей рынок называется ригистан. В городе каменных о двух ярусах монастырей восемь, кои называются медрессами, в каждом покое живут по два человека домулла, т. е. старцев... В медрессы по обещанию дают вклады землею, у тех домуллов есть старший под названием таким же. Он отдает землю для обрабатывания с половины и делит прочим домуллам, чем кормятся... Бань собственных никто кроме хана не имеет, а есть торговые каменные, построенные в земле только, у коих один наружний верх и окошко, внутри бани пол из больших каменных плит, с исподи оные плиты нагревают, также и воду. Моются теплою и холодною водою, мылом же не моются для того, будто оно погано и грех мыться... А по большей части в баню ходят для того, чтобы отпотела грязь".

Интересно отметить, что как ни кратки в общем описания Ефремова, однако, он нашел возможным уделить по целой главе хлопку и шелку, обработка которых не могла не привлечь его внимания. О хлопке Ефремов пишет:

„Зерна размоча, смешав с золою, сеют на песчаных местах, где вырастают тонкие ветви с листьями вышиною более аршина, на них же яблоки зеленые, кои когда поспеют, сделаются серые и будут с большой грецкий орех, сверху расколются на четыре части и в средине означится бумага, потом ту бумагу выбивают и зерна от нее отделяют, а ветви травят на печенье хлеба".

В-87

Книжка эта, несмотря на все ее слабые стороны, выдержала подряд три издания,—вещь необыкновенная для того времени. Объясняется это тем, что книга Ефремова является единственной в своем роде. Это — живое непосредственное описание впечатлений о Средней Азии, а не отчет, хотя бы и очень подробный, военной, дипломатической или торговой экспедиции. И, кроме того, рассказ Ефремова о „Десятилетнем странствовании и приключении в Бухарии, Хиве, Персии и в Индии" был очень ценен в ту эпоху, когда в Европе чрезвычайно мало знали о государствах Средней Азии. Автор „странствования" — по тому времени человек начитанный, и он знает о том, что "европейцы, с столь давнего времени отрясшие мглу неведения и беспрестанно старающиеся об открытии незнаемых областей, порывались неоднократно протещи и сии земли; но сколь к продолжению подвига ни поощряли их торговые выгоды, сколь ни блистательны успехом венчались их поиски в других частях земного шара, однако, казалось, навсегда рок некий непреодолимый воспрещал им обозреть совершенно сии места и узнать нравы и обычаи обитающих там жителей".

После неудачных походов в Среднюю Азию при Петре русские решили пока что ограничиться созданием крепкой пограничной линии по рекам Уралу и Иртышу — Оренбургско-Сибирской линии, а также так называемым „замирением" киргиз-казаков.

В течение всего XVIII и первых десятилетий XIX века русскими предпринимался ряд путешествий в Среднюю Азию. Иногда путешествовали купцы, но чаще всего чиновники, посланные правительством официально или неофициально. Раза два делались попытки провести в среднеазиатские государства большие торговые караваны под вооруженной охраной, но все это кончалось неудачей. Особенно большой караван был отправлен в 1824 году; с ним шел военный отряд численностью свыше 200 человек. Но караван этот подвергся нападению хивинцев и вернулся с большим уроном, потеряв все товары.

Из путешествий отдельных лиц наибольший интерес представляют путешествия поручика Виткевича. Разжалованный в солдаты и сосланный в Орскую крепость, Виткевич своей высокой одаренностью и превосходным знанием восточных языков обратил на себя внимание знаменитого немецкого ученого Гумбольдта, путешествовавшего в то время по России и Востоку. По рекомендации Гумбольдта Виткевич был прикомандирован к оренбургской пограничной комиссии. В 1836 году Виткевич отправился в Бухару, переодетый туземцем, и, собрав там целый ряд сведений, благополучно вернулся в Оренбург. В 1837 году он был отправлен с политической миссией к эмиру в Афганистан, где в это время работал по аналогичному же заданию англичанин Бэрис. Из-за происков Виткевича Бэрису пришлось покинуть Кабул. Виткевич же, пробыв некоторое время в Афганистане, приехал через Персию в 1839 году в Петербург. Русское правительство отнеслось недоверчиво к отчету Виткевича, считая, что он превысил свои полномочия, в результате чего Виткевич застрелился, уничтожив свои записки.

Приблизительно в то же время начинаются путешествия в Среднюю Азию англичан — с чисто политическими целями. В 1832 — 33 годах из Индии в Персию проехал через Афганистан и Бухару тот же Бэрис. В 1838 году Вуд прошел из Кабула через Бадахшан на Памир. Вуд был первым европейцем, который прошел этим путем со времен Бенедикта Гоэса, бывшего здесь в XVI веке.

В 1839 году русскими была предпринята, первая со времен Петра значительная, военная экспедиция в Среднюю Азию. Это был поход генерала Перовского в Хиву. Поход оказался неудачным. Он был предпринят зимой, так как русское командование считало переход летом по безводной степи делом безнадежным, но зимой было еще труднее итти. Стояли жестокие морозы, снег был глубокий и рыхлый, и верблюды, тащившие на себе все войсковые запасы, гибли в огромных количествах.

Среди солдат начались болезни и за зиму погибло около 20% всего отряда. Кроме того, росло недовольство

среди местного населения кочевников-киргиз, на которых российская военная авантюра ложилась тяжким бременем: им приходилось поставлять верблюдов и служить проводниками для войск. В результате Перовскому пришлось вернуться, даже и не встретившись с хивинцами, и зазимовать у реки Эмбы.

Явная безнадежность этого предприятия, усугубленная еще бестолковостью руководителей похода и злоупотреблениями со стороны чиновничества и офицерства, должна была, казалось бы, быть очевидной для русского правительства, но мысль об овладении Средней Азией была слишком заманчива, чтобы сразу отказаться от нее, и вот Перовский задумывает второй поход, который, по его мнению, также следовало предпринять зимой. „К счастью, это предприятие не состоялось", принужден заявить даже официальный военный историк Туркестана.

Затем Россия стала пробовать иные пути для достижения своих целей. В 1841 году были отправлены две миссии, одна в Бухару, другая в Хиву. Отправившееся в Бухару посольство Бутенева имело большое значение для изучения Средней Азии, так как с ним поехали ученые, среди которых находился и известный востоковед Н. Б. Ханыков, достигший тогда едва лишь девятнадцатилетнего возраста. Ханыков пробрался из Бухары в Самарканд и оттуда через Карши вернулся обратно в Бухару. Некоторые члены посольства прошли от Самарканда вверх по течению Зеравшана и побывали у горного озера Искандер Куль. Ханыков написал большой труд „Описание Бухарского ханства", который до последнего времени считается одним из лучших описаний Бухары.

Члены миссии Бутенева были свидетелями гибели в Бухаре двух английских офицеров, Стоддарта и Конолли, казненных по приказанию эмира. Интересно отметить, что, начиная с 30-х годов XIX века, русские политические агенты постоянно встречаются в Средней Азии с англичанами. И это не случайность. Англичане боялись продвижения русских в Среднюю Азию, где могла бы создаться угроза английскому владычеству в Индии, и потому

стремились привлечь на свою сторону среднеазиатских владетельных ханов и образовать из их государств солидный барьер, который мог бы удержать русских в их прежних границах.

Со средины сороковых годов XIX столетия снова начинается продвижение русских в глубь степей. Возводятся укрепления на реке Сыр-Дарье, которая становится государственной границей. Русские отряды делали нападения на степные посты хивинцев и кокандцев, не имевшие возможности сопротивляться превосходству технических сил своего врага. В 1853 г. была совершена, все тем же генералом Перовским, Ак-Мечетская экспедиция. Она окончилась взятием кокандской крепости Ак-Мечеть (ныне город Кзыл-Орда). Этим было окончательно упрочено положение русских на нижнем течении реки Сыр-Дарьи.

В это время началась Крымская кампания, и внимание русского правительства было отвлечено от Средней Азии, но отвлечено не надолго. Вскоре же после окончания войны снова началось продвижение русских в Среднюю Азию, на этот раз со стороны сибирской линии, через Семиречье.

В 1864 году произошло соединение отрядов сибирской и оренбургской линий, и русские войска перешли в решительное наступление на Кокандское ханство.

Все эти события чрезвычайно беспокоили англичан, которые всячески старались помешать дальнейшему продвижению русских на Восток, тем более что захват Средней Азии был лишь одним из звеньев всей внешней политики Александра II, опасной для Англии по целому ряду соображений. В ту эпоху Россия ориентировалась на все усиливавшуюся Пруссию, и потому нет ничего удивительного, что несколько позднее, во время франко-прусской войны, когда русский канцлер князь Горчаков отказался от выполнения условий заключенного после Крымской кампании парижского трактата, английский уполномоченный обратился с запросом о причине этого не к России, а к Пруссии.

Англия, не имея союзников на континенте, была тем самым поставлена в весьма тягостное положение и фактически ничем не могла помешать дальнейшему продвижению русских.

В результате русскими в 1865 году был взят Ташкент, в 1868 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, куда вошли владения кокандского хана, часть Хивы и Бухары. Хотя военные действия в Средней Азии и продолжались почти непрерывно до 1884 года, когда к России был присоединен Мервский оазис, но уже, начиная с 70-х годов, хозяевами в Средней Азии стали фактически русские. Естественно, что они старались как можно скорее исследовать вновь завоеванный край, суливший так много молодому российскому капитализму. И исследователи Туркестана шли всегда по дороге, проложенной им русским штыком.

В первой половине XIX века ученые прикомандировывались обычно к различным посольствам, миссиям и получали задания самого практического свойства: произвести геодезическую или топографическую съемку, исследовать природные богатства той или иной области, изучить племенной состав, административное деление и управление ханств. Вскоре после учреждения Туркестанского генерал-губернаторства по всему Туркестану появились русские чиновники и офицеры. Они-то, главным образом, и занимались дальнейшим изучением этого края. Путешествий в настоящем смысле слова с тех пор почти уже не было.

Последним путешественником, пробравшимся в Среднюю Азию перед самым завоеванием ее русскими, был венгерский ученый Арминий Вамбери, странствовавший при самых романтических обстоятельствах. Его путешествие настолько необычно и увлекательно, что на нем следует остановиться подробнее.

Вамбери родился в Венгрии в 1832 году. Детство и раннюю молодость он провел в очень тяжелых условиях. Благодаря своим исключительным способностям к языкам и изумительному упорству и настойчивости, Вамбери добился ученой карьеры. В 1861 году он отпра-

вился из Константинополя в Персию с целью проникнуть оттуда в Среднюю Азию. Смелый исследователь поехал в Персию под видом турка; прекрасное знание восточных языков, а также и бытовых особенностей и жизненного уклада мусульман позволило ему надеяться, что во время путешествия можно будет неизменно сохранять свое инкогнито и проникнуть в таки места, куда европейцу доступ был закрыт ранее. Вамбери провел около года в Персии, изучая быт и особенности Востока и поджидая удобного случая, чтобы двинуться в далекий и полныйопасностей путь.

Выдав себя за тайного дервиша, члена религиозного ордена Накш-бенди, едущего в Среднюю Азию по приказанию своего духовного наставника, Вамбери в марте 1863 года присоединился к партии пилигримов, возвращавшихся из священного города мусульман-Мекки домой в Коканд и Кашгарию. Он сменил свою полуевропейскую турецкую одежду на рубище нищенствующего дервиша, бросил в Тегеране почти все свои вещи и пустился в далекий путь верхом, запасшись лишь самой небольшой суммой денег.

Пилигримы благополучно добрались до местечка Каратепе в юго-восточном углу Каспийского моря, откуда туркмены на парусном судне переправили их в Ашураде, тогда уже принадлежавшую русским. Там путешественникам пришлось подвергнуться таможенному досмотру, и Вамбери очень боялся, что его инкогнито будет раскрыто русскими. Но все сошло благополучно, и пилигримы направились в туркменское селение Гемюштепе. Здесь Вамбери вступил на среднеазиатскую землю, и теперь все пути отступления были ему отрезаны...

Пилигримы прожили около двух недель в Гемюштепе. Вамбери произвел сильное впечатление на туркменских мулл своей ученостью и знанием тонкостей мусульманской догматики, и этим очень расположил их к себе.

Из Гемюштепе путешественники отправились дальше с караваном через степи в Хиву. Вамбери хотел было

нанять себе верблюда, но спутники убедили не делать этого, так как туркмены могут тогда счесть его за богача и ограбить. В качестве начальника каравана (караван-баши) шел один чиновник хивинского хана, ведший для него пару буйволов. Хан любил лечиться, а знахари советовали ему пить буйволово молоко от всяких болезней.

К каравану присоединился также один афганец, доставивший Вамбери много неприятностей: он сразу же заподозрел в нем переодетого европейского шпиона и высказал свои опасения предводителю каравана. В результате Вамбери было запрещено делать какие либо записи во время путешествия.

Переход оказался сравнительно легким, только под конец пути путешественники сильно страдали от жажды. Хивинский оазис произвел отрадное впечатление на Вамбери после страшной безводной пустыни, но вместе с тем Вамбери никак не мог отделаться от чувства страха при мысли об опасностях, ожидавших его в стенах этого города. Простодушных кочевников гораздо легче обмануть, чем жителей города. И, действительно, с самого же начала Вамбери пришлось испытать несколько неприятных минут, когда во время таможенного досмотра коварный афганец сказал хивинскому чиновнику: „Мы привезли в Хиву двух интересных четвероногих и одного не менее интересного двуногого", и сообщил ему о своих подозрениях. Чтобы не быть разоблаченным, Вамбери прибег к следующей хитрости. Он пошел с визитом к одному видному хивинскому вельможе Шукрулла-бею, бывавшему в Константинополе при дворе султана, и уверил его в том, что они встречались еще в Стамбуле и что теперь, де, он, Вамбери, хочет возобновить прежнее знакомство. Таким образом, храбрый и находчивый путешественник надеялся получить покровительство Шукрулла-бея. Замысел этот увенчался успехом, и Вамбери вскоре получил приглашение от самого хана посетить его во дворце.

Вамбери замечательно описывает сцены приема у хана. Нужно только удивляться, с какой ловкостью и дер-

зостью молодой ученый разыгрывал принятую на себя роль, ежеминутно рискуя смертью. Приведем полностью описание аудиенции:

„Согласно принятому церемониалу, я поднял руки, хан повторил этот жест, а за ним все присутствовавшие, потом я прочел коротенькую суру (главу) из Корана; потом два раза „Аллахумусселям" и обычную молитву, начинающуюся „Аллахуму раббена" и оканчивающуюся громким „аминь" и дерганьем бороды. Когда хан дернул себя за бороду, все остальные воскликнули: „Кабул больгай!" (Да будет услышана твоя молитва). Я подошел к государю, он протянул ко мне руки и, исполнив муафеха, я отошел на несколько шагов и церемониал кончился. Тогда хан стал расспрашивать меня о цели моего путешествия, о впечатлении, которое произвели на меня степь, туркмены, Хива. Я отвечал, что много выстрадал, но зато теперь мои страдания щедро вознаграждены созерцанием красот его величества. „Благодарю Аллаха, прибавил я, за это высокое счастье и усматриваю в этом особое благоволение судьбы и хорошее предзнаменование для предстоящего мне путешествия". Хотя я старался употреблять узбек кое наречие вместо стамбульского, которого здесь не понимают, государь все-таки принужден был довольно часто обращаться к помощи переводчика. Он спросил у меня, долго ли я намерен оставаться в Хиве и есть ли у меня достаточно средств чтобы продолжать путешествие. Я отвечал, что желаю сначала посетить суннитских святых, покоящихся в ханатской почве, и что после этого приготовлюсь к дальнейшему путешествию. Затем я прибавил: „Что же касается до моих средств, то мы, дервиши, не обращаем внимания на такие пустяки. Свят е дыхание, которым снабдил меня мой пир (духовный наставник) на все время путешествия, может поддерживать меня четыре и пять дней безо всякой пищи, и у меня нет никакого желания, кроме того, чтобы господь позволил его величеству жить еще сто двадцать лет". Слова мои, кажется, очень понравились, потому что его величество приказал дать

мне двадцать дукатов и осла. Я отказался от дукатов, говоря, что дервишу грешно иметь деньги; но за вторую часть его милостей поблагодарил с большим жаром, но просил позволения обратить его внимание на святую заповедь, предписывающую белого осла для пилигримов, у умолял его даровать мне непременно белого. Я хотел уже уйти, когда хан заявил, что ему хочется, чтобы я во все время пребывания в столице был его гостем и согласился брать для ежедневного пропитания по два тенге (около 1 рубля) от его казначея. Я поблагодарил его от всего сердца, еще раз благословил его и ушел. Я шел домой сквозь толпы народа, и все приветствовали меня почтительным „селям алейкум".

Смелость и находчивость Вамбери сослужили ему хорошую службу. Всюду, где он только ни появлялся, его встречали с распростертыми объятиями, приглашали в гости, закармливали неизбежным пловом.

Но у его покровителя Шукруллы нашелся враг при дворе хана в лице мехтера (высший чиновник, вроде министра внутренних дел). Желая досадить Шукрулле, мехтер стал преследовать Вамбери. В результате происков мехтера Вамбери был устроен настоящий экзамен по каллиграфии, считающейся одним из основных признаков образованного мусульманина. Экзамен этот был, конечно, выдержан блестяще и мехтер был окончательно посрамлен.

Вамбери довольно долго оставался в Хиве, совершая поездки по близлежащим местностям и наблюдая жизнь и быт местного населения. В это время хивинцы воевали с туркменами-чодорами и в Хиву привозились сотнями пленные, при чем здоровые и молодые отдавались в рабство, а старых и слабых казнили. Вамбери описывает душу раздирающие сцены, когда у беззащитных стариков вырывали глаза, когда несчастных туркмен вешали десятками. За военные доблести ханом раздавались почетные халаты. Халаты эти были четырех степеней: халат низшей степени выдавался воину, принесшему четыре вражеских головы, следующая степень присуждалась

за двенадцать голов, третья за двадцать и четвертая за сорок.

Воины привозили с собою головы прямо в мешках и высыпали их в кучу перед счетчиком, который, пересчитав, их, выдавал владельцу соответственную квитанцию и по предъявлении ее счастливый воин получал желанный халат.

Несмотря на то, что Вамбери пришлось быть свидетелем таких и им подобных сцен, он все же чувствовал себя в Хиве очень хорошо. Главное, что заставляло его откладывать отъезд из Хивы, это — безопасность. Весь город знал, как Вамбери был принят у хана, поэтому каждый старался услужить святому ходже[1], подарки сыпались на него со всех сторон.

Но вот прошел целый месяц и пора было двигаться в дальнейший путь. Он лежал теперь на Бухару, страшную для европейцев — опору мусульманского фанатизма, гнездо самого отъявленного восточного деспотизма. Вамбери откровенно рассказывает в своих записках, что он боялся Бухары, что это было, пожалуй, единственным местом во всей Средней Азии, о котором он думал с содроганием.

Все пилигримы, благодаря благотворительности местных жителей, приоделись, запаслись на дорогу самым необходимым, наняли верблюдов. Когда караван тронулся в путь, за ним долгое время бежали хивинцы, восклицая: „Кто знает, когда Хиве придется опять иметь счастье приютить в своих стенах столько благочестивых мужей!"

Путь каравана лежал через Ханку, где предстояла переправа через Аму-Дарью, и шел дальше через пески на Бухару. В это время года (летом) Аму-Дарья особенно многоводна, что объясняется усиленным таянием снегов в горах, откуда берет свое начало Аму.

---

[1] Ходжа — человек, совершивший паломничество в Мекку, священный город мусульман.

Вамбери говорит, что с трудом можно было различить противоположный берег. Переправа происходила на больших лодках, куда грузились и люди, и кони, и верблюды, и вся кладь. Переправа продолжалась с десяти часов утра до захода солнца.

Дальше путешественники двинулись вдоль правого берега Аму-Дарьи, вверх по ее течению. Хотя и стояла очень сильная жара, но путешественники не страдали от нее, так как все время ехали по берегу огромной реки, и ее прохладное дыхание умеряло томительный зной пустыни, расстилавшейся слева от дороги.

Все шло благополучно, но вот однажды в сумерки караван встретил двух полуголых людей, призывавших на помощь. Подъехавшим путешественникам они рассказали, что направлялись в Хиву, но были по дороге ограблены туркменами-теке, отнявшими у них решительно все и оставившими им только жизнь. Ограбленные советовали пилигримам вернуться во избежание повторения с ними постигшей их горькой участи.

Это происшествие очень встревожило караван. Часть паломников отделилась от остальных спутников и села в лодку, решив отправиться вниз по течению Аму до Хедараспа и там дождаться более подходящего времени. В результате с начальником каравана остался только Вамбери с двумя наиболее смелыми пилигримами. Перед самым отправлением лодки решили произвести гадание, которое должно было бы окончательно показать, итти ли путникам дальше или же возвращаться. По гаданию вышло, что следует продолжать путешествие. Суеверные паломники не посмели воспротивиться „велению судьбы", и почти все покинули лодку и присоединились к каравану.

Кроме опасности быть ограбленными, возникала еще и другая опасность, быть может еще более грозная: приходилось оставлять гостеприимный берег Аму-Дарьи и удаляться в глубь пустыни, где как-раз в это время (июнь—июль) свирепствовал знойный ветер теббад, подобный страшному самуму Аравии.

Переход через пустыню оказался чрезвычайно тяжелым, — нигде не было колодцев, так что приходилось довольствоваться теми запасами воды, которые были взяты с собою из Аму-Дарьи. Путешественники невероятно страдали от жажды; один из них даже умер. Когда караван уже приблизился к культурной полосе, его настиг страшный теббад. Это окончательно подорвало силы путешественников. Сам Вамбери был так болен, что не мог без посторонней помощи сходить с седла.

Истощенных, измученных путешественников приютили невольники персы, жившие на краю пустыни и пасшие здесь стада своих хозяев.

Отдохнув немного, путешественники направились в Бухару. В местечке Хакемире чиновники эмира произвели таможенный досмотр всех вещей паломников и записали их имена. На Вамбери здесь, как и в Хиве, смотрели подозрительно.

В Бухаре Вамбери поместили в текке (дом, где живут духовные лица и дервиши). Там жили тогда светила мусульманской науки. Вообще Бухара считалась в то время центром мусульманского правоверия.

Тотчас же по приезде Вамбери принялся осматривать город. Его поразило разнообразие национальностей в толпе, запрудившей улицы и базары. Базары показались ему бедными по сравнению с базарами Персии, но все же тут продовалось много товаров европейского происхождения, особенно английских и русских.

Вамбери целыми днями бродил по городу, приглядываясь к толпе, изучая ее нравы. Несмотря на то, что он совершенно преобразился, все же бухарцы без труда узнавали в нем чужестранца. Они окружали его, забрасывали вопросами и удивлялись благочестию турецкого дервиша, претерпевшего столько лишений для того, чтобы поклониться праху великого святого Баха-эд-дина (так объяснял Вамбери причину своего путешествия). Вамбери держал себя со свойственной ему решительностью, находчивостью и дерзостью. Он доходил до того,

что читал на площадях проповеди и благословлял восторженных слушателей, давая разъяснения по догматическим и богословским вопросам благочестивым бухарцам, желавшим воспользоваться знаниями человека, прибывшего, по их убеждению, из ученейших кругов центра ислама — Стамбула.

Однако, подозрения властей трудно было усыпить. Рахметбий, правивший Бухарой во время отсутствия эмира, подсылал к Вамбери шпионов с целью выведать у него, кто же он такой в действительности. Правительство всячески старалось установить, прибыл ли Вамбери на самом деле из Константинополя; для этого к нему подсылались люди, долго жившие в Турции, чтобы уличить его в незнании турецкого языка, турецких обычаев. Но эти хитрости, конечно, не удались. Тогда была сделана попытка уличить Вамбери в знании европейских языков, для чего ему подсовывались списки книг, составленные русскими политическими агентами на русском языке. Когда же и эта уловка не удалась, Рахметбий решил устроить Вамбери нечто вроде экзамена. Вамбери был принужден принять деятельное участие в религиозном диспуте, затрагивавшем самые тонкие вопросы мусульманского богословия, и состязаться здесь в хитроумии с ученейшими муллами Бухары. По окончании диспута муллы дали понять Рахметбию, что человек, заподозренный им в шпионаже, на самом деле — настоящий мулла и знаток догматических тонкостей правоверного мусульманства. В результате путешественник и его экзаменаторы расстались друзьями.

Вамбери пробыл в Бухаре двадцать два дня и за это время успел сделать множество интересных наблюдений и завязать знакомства, которые дали ему, быть может, больше положительного знания Средней Азии, чем могли бы дать годы книжного изучения ее. Однако, он не мог задерживать дольше своих друзей-паломников, и караван направился далее в Самарканд. Впрочем большинство пилигримов избрало окольный путь туда мимо могилы одного святого, и лишь Вамбери с несколькими спутниками,

с которыми он особенно подружился, направился прямо в Самарканд, посетив сперва могилу святого Баха-эд-дина.

Путь до Самарканда шел по цветущей местности и произвел на путешественника самое отрадное впечатление. На расстоянии нескольких километров один от другого по дороге встречались базары, где были обширные караван-сараи, в которых всегда кипели русские самовары. Поэтому путешественникам не приходилось испытывать никаких неудобств.

Приближаясь к Самарканду, Вамбери невольно испытывал волнение: ведь, это был конечный пункт его путешествия, „моя Мекка, цель моих давнишних стремлений". Но Самарканд разочаровал его, он ожидал большего. Вамбери пробыл в Самарканде довольно долго, осмотрел старинные памятники архитектуры, окрестности. Нужно заметить, что он слишком полагался на рассказы туземцев о древности края, и поэтому часто неверно определяет время возведения построек. Сам город не произвел на Вамбери никакого впечатления, он только хвалит природу и климат Самарканда.

Один из спутников Вамбери — Хаджа Билаль — предлагал ему ехать с ним дальше, в Коканд и Кашгарию, а оттуда в Китай и морем обратно в Турцию. Вамбери уже колебался, так соблазнителен был этот маршрут. Но благоразумие заговорило в нем: он устал от долгого пути, у него не было средств, он и так уже много видел, и подвергать себя напрасно еще большим опасностям, чем уже испытанные им, ради честолюбивой мечты — пройти по пути Марко Поло? Благоразумие победило — Вамбери решил возвращаться, держа путь на Герат, оттуда в Хорасан и Тегеран.

Но тут в Самарканд приехал эмир бухарский, и Вамбери захотел обязательно его видеть. Он отправился на прием к эмиру вместе со своими спутниками, но повелитель правоверных пожелал видеть его отдельно. Это взволновало путешественника, и, как выяснилось позднее, он имел полное основание беспокоиться, так как Рахмет-

бий в своем докладе эмиру сообщил о Вамбери, как о лице, чрезвычайно подозрительном. Поэтому эмир, принимая Вамбери, уже заранее был уверен, что видит перед собой шпиона. Но Вамбери вел себя с еще большей самоуверенностью и спокойствием, чем на приеме у хивинского хана, и сумел и здесь уничтожить все подозрения.

В конце-концов эмир даже подарил мнимому дервишу, очаровавшему его своей находчивостью, изысканностью речи и остроумием, халат и некоторую сумму денег. Но друзья все-таки советовали Вамбери убираться как можно скорее из пределов Бухарского ханства.

Вамбери не замедлил последовать советам своих друзей и вскоре же отправился в обратный путь. Он прошел через Карши — в те времена крупный торговый город — и оттуда направился к Аму-Дарье, через которую и совершил переправу у Керков, покинув, таким образом, пределы Бухарского ханства и Средней Азии. Через Герат, Мешхед и Шахруд Вамбери добрался до Тегерана, при чем, попав на персидскую территорию, сбросил с себя маску дервиша, чем несказанно удивил своих спутников.

Из Тегерана через Турцию Вамбери приехал в Венгрию, откуда почти сейчас же отправился в Лондон, где сделал в Географическом обществе доклад о своем путешествии, имевший огромный успех.

Нужно изумляться энергии, смелости, настойчивости Вамбери, его редкому знанию восточных языков и обычаев, его выносливости (он был хромой); его путешествие является подвигом в полном смысле этого слова, но научной ценности его путешествие не имеет. Его записки имеют большое значение, потому что дают беспристрастную и верную картину жизни средне азиатских ханств. Наблюдая современную жизнь среднеазиатских республик, гигантское строительство, преображающее страну на наших глазах, не веришь как-то, что это, ведь, внуки и правнуки тех, кого видел Вамбери в 1863 году,— людей, находившихся всецело во власти религии, диких

кочевников, живущих грабежом и разбоем, горожан-ремесленников, знающих только примитивные орудия и методы труда, применявшиеся в течение сотен лет, крестьян, не видевших других земледельческих орудий, кроме омача, мотыги и доски.[1]

С 70-х годов начинается планомерное изучение Туркестанского края. Сначала большинство экспедиций и единоличных путешествий и исследований падало на восточную часть русских владений, потому что на западе, у Каспийского моря, вечно неспокойные туркмены не давали возможности проводить какие бы то ни было научные исследования. Только после полного „замирения" туркмен, а, именно, после средины 80-х годов, стало возможным исследовать и эти области.

Большое значение имели географические исследования русских. Главное их внимание было обращено вначале на горную систему Тянь-Шаня. Первым, кто основательно исследовал этот хребет, был П. П. Семенов, еще в 1856 году проникший туда и давший характеристику этого горного образования. С 1864 по 1868 годы Тянь-Шань обследовал зоолог Северцов. Он перешел через перевал Кара-Буру и осмотрел верховья реки Чаткала. Затем он прошел Западный Тянь-Шань с юга и побывал у места слияния Пскема и Чаткала в реку Чирчик, которая, скатываясь с гор, дает воду ташкентской системе орошения и впадает в Сыр-Дарью у Чиназа. В 1874 году начал исследование горных систем Средней Азии знаменитый геолог и географ И. В. Мушкетов. В течение шести лет этот ученый неутомимо изучает Среднюю Азию, путешествуя то один с киргизами-проводниками, то присоединяясь к русским военным экспедициям, — когда одному путешествовать становится слишком опасно. Он проделал бесчисленное количество маршрутов на территории от Аральского моря на западе и до горного Тарбагатая на востоке. Главной научной заслугой Мушке-

[1] Омач — примитивный плуг, состоящий из деревянной рогульки. Доска употребляется вместо бороны.

това является точное определение характера и происхождения горного массива Тянь-Шаня. Он сумел разрушить господствовавшую со времен Гумбольдта неверную теорию о вулканическом происхождении центральноазиатского горного узла.

Позднее по Тянь-Шаню путешествовал Д. Л. Иванов (1879 г.) и французский ученый Капю (1881 г.).

Большое внимание уделялось исследованию Ферганы и Памира; особенно Памир привлекал к себе путешественников. Первым ученым, обследовавшим восточную часть Туркестана (Фергану, Алай, долину реки Зеравшана), был известный естествоиспытатель А. Федченко, который с помощью своей жены О. Федченко за два года (1868—71) неутомимой работы собрал огромнейший материал географический, зоологический и ботанический. Этот путешественник обследовал также и пустыню Кызыл-Кум. Если бы не преждевременная смерть (Федченко погиб в 1874 году в Швейцарии, во время подъема на одну из снежных вершин Альпов), наука обогатилась бы, конечно, еще целым рядом его работ.

На Памире в первой половине XIX века был только англичанин Вуд, о котором мы уже упоминали. Затем был там грек, доктор Потагос. В конце 70-х годов на Памир совершил поездку И. В. Мушкетов, а после него уже целый ряд ученых посетил этот узел горных хребтов азиатского материка, великую Крышу Мира. В 1878 году там был Северцов, несколько раз Памир и припамирские области были обследованы Г. Е. Грум-Гржимайло; в промежуток времени с 1884 по 1889 гг. Грум-Гржимайло, главным образом, интересовался насекомыми, но собрал также много другого, значительного и интересного материала. Почти все путешествия на Памир совершаются с севера, при чем отправным пунктом для экспедиций служит город Ош в Ферганской долине. Англичанин Вуд проник на Памир с юга, со стороны Афганистана. Со стороны Восточной Бухары Памир обследовал В. Ф. Ошанин, открывший новые вершины и ледники. К этому времени Памир перестал уже быть столь неприступным, русский империализм

проник и сюда, в снежные горы, здесь были установлены военные посты. Начиная с 90-х годов прошлого столетия на Памир ездило немало путешественников — частью просто туристы, частью ученые. Но, все же до самого последнего времени на картах Памира красовалось белое пятно — неисследованная область. Только уже в советское время, в 1928 г., силами соединенной советско-германской экспедиции это пятно было стерто.

Изучение западной части Туркестана, закаспийских степей, начинается в 70-х годах. Хивинский поход 1873 года, усмиривший окончательно Хивинское ханство, дал возможность путешественникам проникать в степи и пустыни, прилегающие с запада к хивинской культурной полосе. В 1874 году была организована Русским географическим обществом так называемая Аму-Дарьинская экспедиция, в которой участвовало много известных ученых. В 1879 г. была снаряжена экспедиция для выяснения направления среднеазиатской железной дороги и изучения бассейна Аму-Дарьи, при чем, помимо непосредственной своей задачи, экспедиция выполнила и ряд других, чисто научных, так как ученые воспользовались, конечно, случаем присоединиться к правительственной экспедиции, охраняемой, хорошо снаряженной и всем обеспеченной.

Как видно из вышесказанного, путешествия и экспедиции направляются теперь в местности мало населенные, пустынные, гористые, удаленные от культурных областей Средней Азии. Это вполне понятно. В культурных земледельческих районах появляется довольно значительное русское население: чиновничество, гарнизоны. Из среды этих русских пришельцев и появляются люди, интересующиеся краем, изучающие его. В городах, главным образом в Ташкенте, возникают разного рода научные общества (как, например, филиал Русского географического общества — в Ташкенте в 1898 году), начинают издаваться научные труды, выходят периодические издания. К изучению края привлекаются и крупные ученые из центра. Таким образом, изучение края идет исподволь. Изучается население, природа. Русский капитализм интересуется

сырьевыми богатствами страны, — изучаются рудные богатства, экономические возможности края. Постепенно капиталистическая экспансия все растет, перерастает в вывоз капитала в Среднюю Азию; перед исследователем встают новые задачи, соответствующие новому этапу развития капитализма.

Но нужно сказать, что русскими Средняя Азия была изучена плохо. Взять хотя бы Индию, как там поставлено англичанами изучение страны со всех возможных точек зрения! А русский капитализм — в силу своей молодости и целого ряда иных причин — никогда не умел правильно оценить значения науки в деле упрочения своего владычества. И в самом деле, в Индии англичане развивают целую сеть прекрасных научных учреждений, воспитывают из среды туземцев ученых европейской складки, верных слуг английского владычества. В царском Туркестане генерал-губернатор фон-Кауфман считает ислам религией „нежизнеспособной", осужденной на гибель, и поэтому предоставляет ее самой себе, она, мол, все равно погибнет; при первом туркестанском генерал-губернаторе открывается в Ташкенте публичная библиотека, его преемник уже собирается ее закрыть.

Русский капитализм свою колонию знал плохо. Взять хотя бы анекдотич ский случай со словом „сарт". Все так называемые туркестанцы именовали окружавшее их туземное население сартами. Этот термин употреблялся и в научной литературе, хотя вокруг него велись бесконечные споры: кто же такой этот таинственный „сарт"? А оказалось (и оказалось-то окончательно, именно, теперь, в советское время), что народа такого нет и не было никогда. Сарт — это социальный термин; первоначально сартами назывались купцы, а потом и вообще жители города, к какой бы национальности они не принадлежали, к какому бы общественному классу ни относились, но термин этот применялся не всюду, не по всей Средней Азии.

На новые рельсы, на новые методы перевела изучение Средней Азии только Октябрьская революция. „Дикие"

и „некультурные" туземцы неплохо воспринимают советскую культуру, которая стала им доступна, как и всем другим народам Советского союза. „Дикие" туземцы сами желают изучать свою страну, вооружившись современной наукой и с помощью научных сил всего Советского союза.

Если до революции путешествия и исследования велись русскими учеными не в организованном порядке, то в советскую эпоху общее требование плановости строго проводится и в области научно-исследовательской работы. Прошло время отдельных путешествий, возникавших иной раз чисто случайно.

Какой-нибудь ученый или просто смелый предприимчивый путешественник задавался целью исследовать ту или иную область или решить — для себя — ту или иную научную проблему и для этой цели отправлялся в путешествие, иногда на собственные средства, но чаще исходатайствовав себе правительственную субсидию или денежную помощь географического общества, а то и просто какого-нибудь мецената.

Если путешественнику удавалось достигнуть своей цели и собрать интересовавшие его сведения, то он старался опубликовать свою работу, опять-таки с помощью научного общества или отдельного издателя. Стоит просмотреть журналы заседаний быв. Русского географического общества, чтобы убедиться в том, что экспедиции прежнего времени были случайны: они задумывались и осуществлялись без всякой системы. Профессор такой-то сообщает, что он собирается использовать каникулярное время для экспедиции в Семиречье и Тянь-Шань. Совет Географического общества предлагает изменить маршрут и направить свои исследования в сторону Тарбагатая или Джунгарского Алатау.

Знакомясь с теми обширными материалами, которые имеются в нашем распоряжении, мы приходим к выводу, что дореволюционная наука географического исследования черпала в Средней Азии кадры исследователей или в среде русского-пришлого-населения, или в среде лиц,

близких к военной или гражданской администрации Туркестанского края. Интересовавшие исследователя вопросы или возникали в кругу его обычных занятий, или занятий, связанных с ними, или же диктовались сверху, когда требовалось внимательное изучение тех или иных особенностей края, тех или иных промыслов, тех или иных областей, наивыгоднейшая эксплоатация которых интересовала русский капитал, перехлестывающийся через среднеазиатские пределы из Европейской России. Наиболее культурные, наиболее вдумчивые круги пришлого русского населения не могли, конечно, оставаться равнодушными к выполняемой ими работе, и потому всячески старались осмыслить ее. А для этого требовалось более тщательное изучение Средней Азии и знакомство с нею. И нередко бывало, что перед тем или иным чиновником, педагогом, военным администратором вставали задачи, выходившие за рамки их повседневной работы, и это приводило к постепенному ознакомлению с жизнью и природой бывших среднеазиатских государств.

Вопросы исследования, диктовавшиеся сверху, никогда не имели в виду чисто-научных интересов. Наука продолжала итти за военным завоеванием. Вот почему мы, перелистывая страницы старых отчетов, хотя бы того же Географического общества, постоянно встречаемся с тем явлением, что ученый исследователь выбирает сам себе тему исследования, сам выдвигает план экспедиции, почему либо интересующий его. От государственной власти, от общества он ждет только материальной помощи. И чем глубже устремленность исследователя, чем он квалифицированнее, тем больший район охватывает его работа, тем более глубокими проблемами он занимается. Если прибавить еще к тому и личное более или менее солидное благополучие, то ко всему вышесказанному придется сделать поправку: более обеспеченный путешественник бо́льшего и достигает.

После революции исследование Туркестана вошло в общий план научно-исследовательской работы советских ученых и советских научных учреждений, и целый

ряд экспедиций собрал ценнейшие материалы в результате интенсивнейшей и весьма разнообразной деятельности за последние 7—8 лет. Исследовательская работа возглавляется Академией наук СССР, которая прорабатывает планы экспедиций и направляет деятельность своих сотрудников, отправляющихся во все концы среднеазиатских советских республик. Комиссией по изучению естественных производительных сил Союза собрано весьма значительное количество разнообразнейших материалов, часть которых уже разработана и опубликована, часть разрабатывается и подготовляется к печати. Наряду с этой комиссией работает и комиссия экспедиционных исследований, суммирующая полученные результаты и составляющая планы новых экспедиций. Этой комиссией опубликовано, например, обширное исследование, посвященное пустыне Кара-Кумы, где в 1928—29 гг. работали экспедиция Академии наук, а также экспедиция Государственного гидрологического института.

Значительную исследовательскую работу ведет в Средней Азии Главное геолого-разведочное управление, которое посылает ежегодно в Туркестан десятки экспедиций с различными заданиями, имеющими целью производство разведок и поисков полезных рудных и нерудных ископаемых.

Несколько в стороне стоит работа по исследованию Памира. Она продолжалась и во время войны. В 1916 г. на Памир отправилась экспедиция астронома Беляева, организованная Русским географическим обществом. Она занималась, главным образом, топографическими работами в неисследованных районах Памира. Результаты ее были в научном отношении незначительны. После революции много путешествовал по Памиру проф. Корженевский, дважды посетивший его. Но более или менее систематическое изучение Памира начинается с 1928 года, когда туда отправилась германо-советская экспедиция, впервые использовавшая в широких размерах методы фотограмметрической съемки. Группа альпинистов-участников этой экспедиции совершила тогда же восхождение на пик Ленина высотой в 7127 метров.

В 1929 году была снова организована экспедиция, явившаяся продолжением экспедиции 1928 г., а затем на следующий год была опять отправлена экспедиция, но ей не удалось проникнуть на Памир и район ее работ ограничился областями южнее Алайского хребта.

Большая экспедиция 1931 года, о которой пока мы знаем только из газет, была задумана Академией наук совместно с Обществом пролетарского туризма и экскурсий, при чем задачи ее были строго исследовательского характера. Целью ее был так называемый „Узел Гармо" — единственный горный участок Памира, оставшийся неисследованным до самого последнего времени и представляющий, пожалуй, наибольший интерес для науки. Границей этого участка с одной стороны является величайший в мире ледник — ледник Федченко. С севера к нему примыкает золотоносный район, который начал обследовать еще проф. Корженевский и где возвышается неприступный хребет Петра Великого.

Область „Узла Гармо" представляет собою нагромождение величайших вершин, где, действительно, сплетаются в один узел горные цепи и пики, ограничивающие Памир с юго-запада. Экспедиция прошлого года имела задание обследовать и этот участок Памира и по возможности дать точную его карту, при чем картографические работы должны были вестись по новым методам, по методам, так называемой фотограммометрической съемки, которая была впервые применена во время советско-германской экспедиции 1928 года.

Судя по тем кратким газетным сообщениям, которые имелись в нашем распоряжении ко времени составления этой книжки, экспедиция сумела блестяще справиться с возложенными на нее задачами и за пятьдесят дней своей работы — в том числе двадцать три дня пребывания в одной из самых недоступнейших областей Памира — провела полное обследование и фотограммометрическую съемку перевалов, долин и ледников „Узла Гармо". Кроме того, было установлено наличие золотоносных пород по течению реки Муук-Су и в долинах рек „Узла". Но на

экспедицию возлагались не только чисто исследовательские задания. Она должна была произвести опыт привлечения к исследовательской работе в высокогорных областях и туристского актива пролетарской молодежи. Впервые в истории географических исследований ученые сотрудники экспедиции опирались во время своих работ на тренированных туристов, членов Общества пролетарского туризма и экскурсий, которые и обслуживали топографическую, астрономическую и геологическую группы. Этот опыт оправдался и, конечно, выводы из него дадут новое направление будущим советским экспедициям, планомерно и систематически ведущим исследование советской территории.

Деятельность всех советских экспедиций объединена одной общей целью: скорейшим изучением производительных сил Средней Азии, а также ее природных богатств, для надлежащего их использования в общей системе пятилетних планов.

Средняя Азия, насчитывающая не одну тысячу лет своего самостоятельного существования, вступила в новый исторический период. Пережив и эпоху раннего расцвета и могущества, и эпоху крайнего обнищания и разорения, пройдя сложный путь от культурной и развитой жизни сильных государственных единиц до положения вассальных княжеств, подчиненных власти могущественных кочевников, оставив позади эпоху деспотических ханств и пору русского завоевания, Средняя Азия вошла теперь в полосу социалистического строительства, объединяющего единой идеей все республики Советского союза. Средняя Азия перестала быть ареной деятельности торгового и финансового капитала, ищущего новых рынков, новых областей промышленной эксплоатации. Средняя Азия представляет теперь собою базу для планового развития советской индустрии. Республики Средней Азии, служа общему делу и подчиняясь общему плану, в то же время и сами индустриализируются и переходят от первобытного кустарничества и „домашней промышленности" к индустриальной стадии развития. Если победоносный торго-

вый и промышленный капитал видел в среднеазиатских областях свои сырьевые базы, то он предполагал эти базы использовать в своих интересах и для себя, питая туркестанским сырьем фабрики и заводы Центральной России. В этом был смысл капиталистической экспансии на Восток, но это же создавало непреодолимые трудности. Богатства Средней Азии в большинстве случаев оставались лежать втуне, так как вывоз сырья был слишком дорог и не окупал производимых на него затрат. Но в плане советского строительства фабрики и заводы будут создаваться тут же, где и энергетические источники и источники сырья. Это поведет к быстрой индустриализации Туркестана, который в тесном сотрудничестве с промышленностью других советских республик поможет нам освободиться от иностранной зависимости, положит предел импорту в СССР.

Вот в предвидении скорого осуществления этого плана и работают в настоящее время советские экспедиции в Средней Азии, упорно уничтожая все белые пятна на карте Туркестана, упорно борясь с природой и вырывая у нее все тайны.

Эта работа менее заметна, она менее благодарна, чем красочные приключения путешественника, отправившегося на изучение никому не известных стран, но для трудящихся всего мира она неоценима и результаты ее сейчас нам еще не охватить нашим умственным взором.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DS327.7
.D53
1932

ЦЕНА 40 к.

РИСОВАНИЕ
ФОТОГРАФИЯ
КИНО

БЕЙЕР, В. и др.—„Изобразительная грамота в трудовой школе". С рис., 1 цветн. табл. 113 стр. 29 г. 1 р. 50 к.

ИХ-ЖЕ.—„Рисование". Сборник статей. 174 стр. 27 г.—40 к.

ЕВДОКИМОВ, Б.—„Лучший и простейший способ раскраски масляными красками без помощи кистей. Руководство к раскрашиванию фотографий, увеличений, открытых писем и т. д. 47 стр. 28 г.—40 к.

ЕГО-ЖЕ. Пластическая анатомия и перспектива для фотографов—портретистов. Краткое пособие для самоучения с пояснительными рисунками. 75 стр. 29 г.—1 р.

ЛЕПИЛОВ, К. проф.—„Комплекс рисование и моделирование. 96 стр. 19 рис. 27 г.—40 к.

РАДАКОВ, А.—„Карикатура. С многр. рис. 28 стр. 29 г.—75 к.

ТАЛЬБОТ, Ф.—„Живая фотография". С рис. и фотограф. в тексте. 186 стр. 28 г.—В папке 2 р.

Школа рисования, живописи и прикладного искусства. Под ред. проф. А. Маковского. Том. II. С многр. рис. 1 р 50 к.

Высылает исключительно наложенным платежом магазин „Дешевая книга" ЛЕНОБЛИЗДАТа—Ленинград, II, Гостиный Двор, Суровская линия, 132.